

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

ДЖЕНА
ШОУОЛТЕР

Владыки Преисподней

ЗЕМНАЯ
СТРАСТЬ

HARLEQUIN®

Владыки Преисподней

Джена Шоуолтер

Темная страсть

«Центрполиграф»

2010

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Шоултер Д.

Темная страсть / Д. Шоултер — «Центрполиграф»,
2010 — (Владыки Преисподней)

ISBN 978-5-227-08119-3

Аэрон, бессмертный воин, считает, что не нуждается в плотской любви. Поэтому когда-то в порыве самоуверенности он бросил Кроносу, Верховному богу титанов, дерзкий вызов, прося ниспослать ему такую женщину, которой придется добиваться. И вот уже несколько недель Аэрон ощущает беспокойство из-за Оливии, которая появилась около него столь внезапно. Ангел она или демон, какую угрозу несет в себе? Оливия клянется, что она падший ангел, что отказалась от бессмертия, потому что ей приказали расправиться с Аэроном, а она не может не только обезглавить его, но и причинить ему малейшую боль. И он готов поверить голубоглазой красавице, к которой его влечет все сильнее. Но если они полюбят друг друга, это обернется несчастьем для них обоих...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08119-3

© Шоултер Д., 2010
© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джена Шоултер

Темная страсть

Gena Showalter

THE DARKEST PASSION

The Darkest Passion

Copyright © 2010 by Gena Showalter

«Темная страсть»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании лицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

– Похоже, их несколько не волнует, что они умрут.

Аэрон, бессмертный воин, одержимый демоном Ярости, примостился на крыше здания Бабажос в центре Будапешта и, глядя вниз, наблюдал за беззаботно спешащими по делам людьми. Они ходят по магазинам, болтают и смеются, перекусывают на ходу. Никто не падает ниц и не умоляет богов продлить существование своего бренного тела. Никто не рыдает, понимая, что не сможет жить вечно.

Он перевел взгляд с людей на их окружение. Льющийся с небес рассеянный лунный свет, смешиваясь с янтарным сиянием фонарей, ложится тенями на мощные мостовые. По обе стороны улицы тянутся здания со светло-зелеными навесами над входом, идеально сочетающимися с изумрудной зеленью деревьев.

Симпатично, если про гробы можно так сказать.

Люди знают о своем медленном угасании. Черт возьми, они взрослеют с мыслью, что рано или поздно придется покинуть все и всех, кого любят, и тем не менее, как он заметил, не требуют и даже не просят больше времени. Это... очаровывает. Узнай Аэрон, что ему вскоре предстоит навсегда расстаться с друзьями – другими одержимыми демонами воинами, которых он защищает последние несколько тысяч лет, – он пошел бы на что угодно, включая и мольбы, лишь бы изменить свою судьбу.

Отчего же смертные этого не делают? Что они знают такого, что ему неизвестно?

– Они не думают о смерти, – отозвался сидящий подле него Парис, его друг. – Они живут, пока есть возможность.

Аэрон фыркнул. Не такого ответа он искал. Как можно «жить, пока есть возможность», если эта возможность длится ничтожно короткое время?

– Они такие хрупкие. Их легко уничтожить, как тебе отлично известно.

Говорить подобное было очень жестоко со стороны Аэрона, ведь подружку Париса – или любовницу? или избранную женщину? – совсем недавно застрелили прямо у Париса на глазах. И все же Аэрон в своих словах не раскаивался.

Будучи одержимым демоном Разврата, Парис вынужден каждый раз спать с другой женщиной, иначе рискует потерять силы и умереть. Он не может позволить себе оплакивать потерю любовницы. Особенно любовницы-врага, кем и оказалась его малышка Сиенна.

Как ни стыдно было Аэрону это признать, но в какой-то степени он даже был рад тому, что эта женщина умерла. Она использовала бы страсть Париса против него самого и в конечном счете привела бы его к гибели.

«Я же буду вечным гарантом его безопасности», – поклялся себе Аэрон.

Верховный бог предоставил Парису выбор: вернуть из загробного мира душу его женщины или освободить Аэрона от ужасающей жажды крови, навязчивых мыслей о мучениях и убийстве, терзающих его разум. Мыслей, которые он – стыдно признаться – воплощал в жизнь. Снова и снова.

Из-за этого проклятия Рейес, хранитель демона Боли, едва не потерял свою возлюбленную Данику. Аэрон действительно был готов нанести смертельный удар и уже занес острый кинжал, чтобы вонзить его в ее прелестную шею... Но за миг до трагедии Парис спас Аэрона, а не возлюбленную Сиенну, тем самым сохранив жизнь Даники, палач которой мгновенно освободился от владевшего им безумия.

Аэрон продолжал терзаться угрызениями совести из-за едва не ставшей реальностью трагедии и последствий выбора Париса. Чувство вины разъедало его изнутри, прожигая до самых костей, словно кислотой. Теперь Парис страдает, в то время как сам Аэрон наслаждается сво-

бодой. Но это вовсе не означает, что он станет щадить чувства друга. Для этого он слишком сильно его любит. Более того, Аэрон у него в долгу. И привык платить по счетам.

Именно поэтому они и сидят сейчас на крыше.

Присматривать за Парисом оказалось задачей не из легких. На протяжении последних шести ночей Аэрон приносил сюда друга, невзирая на его непрерывные протесты. Парису оставалось лишь указать на женщину, и Аэрон тут же доставлял ее к нему и стоял на страже, пока они занимались сексом. Но с каждой ночью Парис все дольше и дольше тянул с выбором.

Аэрону уже стало казаться, что на этот раз они просидят на крыше до самого рассвета, ведя пустые разговоры.

Если бы ныне пребывающий в депрессии воин по примеру самого Аэрона сторонился слабых смертных, то сейчас не томился бы о том, чего не может получить. Не впал бы в отчаяние от своего бессилия и не отрицал бы его до скончания времен.

Аэрон вздохнул.

– Парис, – начал он и умолк. Какие подобрать слова? – Пора уже перестать скорбеть. – Хорошо. Сразу по сути, как он любит. – Это ослабляет тебя.

Парис провел языком по зубам.

– Кто бы говорил о слабости. Сколько раз тобой безраздельно овладевал демон Ярости? Бессчетное количество. А сколько раз из этого бессчетного количества винить следовало богов? Лишь один. Когда демон поработает твоё тело, ты напрочь теряешь над собой контроль. Так что давай не будем добавлять к списку твоих грехов лицемерие, договорились?

Аэрон не обиделся. К сожалению, ему нечего возразить Парису. Иногда демон Ярости действительно завладевал его телом, заставляя летать над городом и нападать на любого человека в пределах досягаемости, калеча и упиваясь чужим ужасом. В таких случаях Аэрон полностью осознавал происходящее, но был не в состоянии прекратить бойню.

Которую не всегда и хотелось прекращать. Некоторые люди заслуживают подобной участи.

Но ему ненавистна потеря контроля над собой и низведение до уровня марионетки. Или пляшущей по команде обезьянки. Пребывая в подобном состоянии, Аэрон презирал своего демона – и все же не так сильно, как себя самого. Потому что с ненавистью он познал гордость. Гордость Яростью. Для того чтобы отвоевать у демона контроль над ситуацией, требуются силы, а сила любого рода есть награда.

Однако борьба между любовью и ненавистью его по-прежнему тревожит.

– Ты только что подтвердил мои слова, хоть и непреднамеренно, – сказал Аэрон, возобновляя беседу. – Слабость порождает разрушение. Это закон.

В случае Париса скорбь равнозначна рассеянности, которая может оказаться фатальной.

– Какое отношение это имеет ко мне? Какое отношение это имеет к тем людям внизу? – спросил Парис.

Аэрон понял, что пришло время обрисовать ситуацию масштабно.

– Те люди... По меркам вечности они стареют и умирают в один миг.

– Что с того?

– Дай мне договорить. Если влюбишься в смертную женщину, сможешь быть с ней всего несколько десятков лет. И то, если ее раньше не унесет болезнь или несчастный случай. Причем все эти годы ты будешь наблюдать, как она угасает, медленно приближаясь к смерти, и знать, что впереди тебя ожидает целая вечность без нее.

– Сплошной пессимизм. – Парис прицокнул языком. Не такой реакции ожидал от него Аэрон. – Ты рассматриваешь эти годы как небольшой промежуток перед неотвратимой потерей того, кого не можешь защитить. А я – как время наслаждения величайшим благословением. Благословением, которое пребудет с тобой всю оставшуюся вечность.

Пребудет с тобой? Глупости! Когда теряешь что-то дорогое, воспоминания превращаются в мучительное напоминание о том, чего уже никогда не будет. Такие воспоминания скорее осложняют жизнь, отвлекают, – в отличие от Париса, Аэрон не собирался приукрашивать ситуацию, – а не придают сил.

У Аэрона и доказательство имеется – собственные чувства к Бадену, одержимому демоном Неверия, который некогда был его лучшим другом. Давным-давно Аэрон потерял того, кого любил больше, чем мог бы любить родного брата, и теперь, оставаясь наедине с собой, часто представляет Бадена и думает о том, как могла бы сложиться жизнь, если бы тот не погиб.

Парису он подобной участи не желает.

Черт с ней, с масштабностью. Уж лучше снова обратиться к жестокости.

– Если ты способен с легкостью принять утрату, как утверждаешь, почему же тогда все еще скорбишь по Сиенне?

Свет луны озарил лицо Париса, и Аэрон заметил, что глаза у него слегка остекленевшие. Похоже, он пил. Опять.

– У нас не было нескольких десятков лет. Всего лишь несколько дней, – произнес он безжизненным голосом.

«Нужно идти до конца».

– А если бы ты прожил с ней сто лет, то смирился бы с ее смертью?

Повисла пауза.

Конечно же нет.

– Хватит! – Парис ударил кулаком по крыше с такой силой, что все здание содрогнулось. – Не хочу больше об этом говорить.

Очень плохо.

– Потеря есть потеря. Слабость есть слабость. Не позволяя себе привязываться к людям, не станем и переживать, когда они умрут. Если мы закалим свои сердца, то не будем желать того, чего не можем получить. Наши демоны преподали нам хороший урок.

Некогда их демоны обитали в аду и отчаянно жаждали обрести свободу. Объединившись, они сумели выбраться, но в конечном счете лишь сменили одну тюрьму на другую, и вторая оказалась гораздо хуже первой.

После пыток серой и пламенем преисподней демоны на тысячу лет оказались запертыми в ларце Пандоры. Тысячу лет тьмы, безысходности и боли. На сей раз они лишились не только свободы, но и надежды на лучшую долю.

Если бы демоны были сильнее и способны обуздать свои желания, не попали бы в плен.

Если бы Аэрон обладал достаточной силой воли, то не стал бы помогать открывать ларец. И тогда его не постигло бы проклятие, и тело его не превратилось бы во вместилище для величайшего зла, которое он сам же и освободил. Его не изгнали бы с небес, из единственного дома, который он знал, и не обрели провести остаток вечности на беспокойной земле, где ничто не остается неизменным.

Он не потерял бы Бадена, враждуя с охотниками – презренными смертными, ненавидящими Владык и обвиняющими их во всем зле мира. Друг умер от рака? – Разумеется, виноваты Владыки. Девочка-подросток обнаружила, что беременна? – И это, несомненно, происки Владык.

Будь Аэрон крепче духом, не оказался бы снова втянутым в войну, где нужно сражаться и убивать. Всегда убивать.

– Ты когда-нибудь желал смертную? – спросил Парис, отвлекая его от мрачных мыслей. – В плане секса?

Аэрон негромко хмыкнул:

– Впустить в свою жизнь женщину на один день и потерять ее на следующий? Нет. – Он не такой дурак.

– Кто говорит, что ты обязательно ее потеряешь? – Парис вытащил из внутреннего кармана кожаной куртки фляжку.

Снова алкоголь? Видно, болтовня, затеянная, чтобы поднять другу настроение, не принесла пользы.

Сделав большой глоток, Парис добавил:

– У Мэддокса есть Эшлин, у Люсьена – Аня, у Рейеса – Даника, а теперь и у Сабина есть Гвен. Даже у сестры Гвен, Бьянки Ужасной, имеется возлюбленный – ангел, с которым мне пришлось бороться в масле... впрочем, не важно. Не будем об этом говорить.

Бороться в масле? Да уж, о таком действительно лучше не говорить.

– Все эти парочки обрели друг друга, но каждая из женщин обладает какой-то способностью, выделяющей ее среди прочих. Они не простые смертные.

Однако это не означает, что они будут жить вечно. Даже бессмертных можно убить. Кому, как не Аэрому, это знать, ведь именно он подобрал голову Бадена – отделенную от туловища. И именно он первым увидел навечно застывшее на лице друга выражение шока.

– Ну, привет, решение проблемы. Всего-то и нужно, что найти женщину с уникальными способностями, – сухо заметил Парис.

Если бы все было так просто. Кроме того...

– У меня есть Легион, и с ней одной я в данный момент могу совладать.

При воспоминании о маленькой демонессе, ставшей ему кем-то вроде дочери, Аэрон усмехнулся. Ростом она едва доходит ему до пояса. Зеленая чешуя, два маленьких рога, недавно выросшие у нее на голове, и острые зубы, выделяющие ядовитую слюну. Диадемы – ее любимое украшение, а живая плоть – любимое блюдо.

Первой ее слабости он всячески потакает, а со второй старается бороться.

С Легионом Аэрон познакомился в аду. Вернее, настолько близко от геенны огненной, насколько вообще можно подобраться без риска сгореть заживо в жарком пламени. Его заковали в цепи, так сказать, в шаге от преисподней, опьяневшего от проклятой жажды крови, заставлявшей нападать даже на друзей. Легион прорыла ход в темницу Аэрона, и ее присутствие каким-то образом прояснило его разум и придало желанные силы. Она помогла ему бежать, и с тех пор они никогда не расставались.

До настоящего момента. Его драгоценная девочка вернулась в ненавистный ей ад, потому что некий преданный богам ангел тайком наблюдает за Аэроном, прячась в тени, оставаясь невидимым, ожидая... чего-то. Чего – неизвестно. В настоящий момент Аэрон не ощущает этого пристального взгляда, но знает, что ангел вернется снова. И Легион не вынесла его присутствия.

Откинувшись назад, Аэрон всмотрелся в ночное небо. Звезды сегодня сияют, словно бриллианты, рассыпанные по черному атласу. Иногда, желая насладиться хотя бы иллюзией единения, он взлетал так высоко, как только мог, а затем камнем падал вниз, стремительно и уверенно, расправляя крылья лишь за пару секунд до удара о землю.

Парис сделал еще один большой глоток из фляжки, и в воздухе поплыл аромат амброзии, нежный и сладкий, как дыхание ребенка. Аэрон покачал головой. Парис избрал амброзию своим наркотиком, потому что она единственная способна притуплять разум и воздействовать на тела бессмертных вроде них, но ее неумеренное употребление превращало некогда свирепого вои на в размазю.

Где-то по улицам бродит Гален, предводитель охотников, одержимый демоном, как и Владыки, поэтому Аэрому требуется, чтобы Парис хоть немного соображал. А еще лучше – пребывал в полной боевой готовности, ведь неведомого ангела тоже не стоит списывать со счетов. Ангелы, как недавно выяснил Аэрон, занимаются уничтожением демонов.

Хотел ли этот ангел его убить? Неизвестно, и Лисандр, возлюбленный Бьянки, не потрудился прояснить ситуацию. Впрочем, это и не важно. Аэрон собирался выпотрошить труса, будь тот мужчиной или женщиной, как только тому достанет мужества снова сунуться к нему.

Никто не разлучит его с Легион, а тот, кто осмелится вмешаться, поплатится. В этот самый миг бедняжка может страдать душевно или физически. При этой мысли Аэрон стиснул кулаки с такой силой, что кости едва не треснули. Собратья его милой малышки любят насмеяться над ее добротой и состраданием. А еще им нравится за ней гоняться, и одним богам известно, что они бы с ней сделали, если б сумели поймать.

– Как бы ты ни любил Легион... – произнес Парис, снова выдергивая Аэрона из глубокой трясины мыслей. Запустив камнем в противоположное здание, он допил остаток амброзии и договорил: – Она не способна удовлетворить все твои потребности.

Он, конечно, имеет в виду секс. Неужели нельзя закрыть эту тему раз и навсегда? Аэрон вздохнул. Он не спал с женщиной несколько лет, а может, и веков. Не стоят они затраченных усилий. Из-за демона Ярости желание причинить любовнице вред скоро перевешивало желание доставить ей удовольствие. Более того, покрытому татуировками и закаленному в боях Аэрону приходилось тяжким трудом завоевывать расположение к себе. Женщины его боятся – и правильно делают. Попытки понравиться им требуют времени и терпения, которыми он не располагает. В конце концов, у него есть дела поважнее. Тренировки, например, охрана дома и друзей. Потакание любой прихоти Легион.

– Нет у меня таких потребностей.

По большей части это правда. Наделенный железной самодисциплиной, Аэрон редко поддавался желаниям плоти. Он мог себе это позволить, разве что оставаясь в одиночестве.

– Я могу получить все, что захочу. Слушай, мы сюда откровенничать забрались или чтобы найти тебе любовницу?

Зарывав, Парис швырнул пустую фляжку точно так же, как прежде камень. Она ударилась о стену противоположного здания, взметнув облачко пыли и каменной крошки.

– Придет день, когда кто-то очарует тебя, привлечет и поймает в сети, и ты будешь желать ее каждой клеточкой тела. Надеюсь, она сведет тебя с ума. Надеюсь, что хотя бы поначалу станет отвергать тебя, заставляя бегать за собой. Может, тогда ты почувствуешь хоть толику моей боли.

– Если именно это требуется, чтобы отплатить тебе за то, чем ты ради меня пожертвовал, я с радостью приму такую участь. Даже буду молить о ней богов.

Аэрон не мог себе представить, что возжелает женщину, смертную или бессмертную, настолько, что это разрушит его жизнь. Он не похож на других воинов, постоянно ищущих себе пару, и действительно предпочитает одиночество. Ну, или находиться наедине с Легион. Кроме того, он слишком горд, чтобы бегать за женщиной, не отвечающей на его чувства.

Однако сейчас Аэрон говорил серьезно. Ради Париса он в самом деле готов на что угодно.

– Слышишь, Кронос?! – прокричал он, подняв голову к небесам. – Пошли мне женщину. Таковую, которая будет меня мучить. Таковую, которая отвергнет меня!

– Самонадеянный убудок, – негромко засмеялся Парис. – Что, если он и вправду пошлет тебе такую гордычку?

Аэрона порадовала веселость Париса. Он сейчас так похож на себя прежнего!

– Сильно сомневаюсь.

Кронос повелел, чтобы воины сосредоточились на уничтожении Галена. Это стало его навязчивой идеей с тех пор, как Даника предсказала, что Верховный бог погибнет от руки Галена.

Даника является Всевидящим Оком, и ее видения всегда сбываются. Даже плохие. Но есть в этом и положительный момент: зная будущее заранее, можно попытаться его изменить. По крайней мере, теоретически.

– А если все же пошлет? – снова спросил Парис, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

– Если Кронос ответит на мои мольбы, стану наслаждаться последствиями, – ухмыльнувшись, солгал Аэрон. – Ну, хватит уже обо мне. Давай сделаем то, зачем пришли.

Выпрямившись, он посмотрел вниз на начавшую редеть толпу.

Ради сохранности мостовых въезд автотранспорта в эту часть города запретили, и люди ходили здесь пешком. Поэтому Аэрон и выбрал это место. Ему вовсе не улыбалось вытаскивать избранницу Париса из движущейся машины. Сейчас же Парису всего-то и нужно, что сделать выбор, и Аэрон, расправив крылья, сразу доставлял его вниз. Один взгляд на прекрасного голубоглазого дьявола – и избранная им женщина останавливалась и восторженно ахала. Иногда одной улыбки Париса оказывалось достаточно, чтобы убедить ее раздеться прямо на улице, где мог увидеть любой случайный прохожий.

– Никого ты не найдешь, – отмахнулся Парис. – Я уже смотрел.

– Как насчет... этой? – Аэрон указал на пухленькую блондинку в чересчур откровенном наряде.

– Нет. – Ни малейшего колебания. – Слишком... очевидно.

«Опять взялся за старое», – с ужасом подумал Аэрон, указывая на другую женщину:

– А эта?

Высокая, с соблазнительным телом и копной коротких рыжих волос. Одета консервативно.

– Нет. Слишком мужеподобная.

– Что это значит, черт подери?

– Это значит, что я ее не хочу. Следующая.

Битый час Аэрон предлагал кандидатуры потенциальных любовниц, а Парис отвергал их по разным смехотворным причинам: слишком невинная, слишком неряшливая, слишком загорелая, слишком бледная. Единственным приемлемым отказом было: «Я с ней уже спал», а так как Парис спал со многими, Аэрон часто слышал эти слова.

– В конечном счете тебе придется кого-то выбрать. Почему бы не прекратить наши мучения? Закрой глаза и ткни наугад. На кого укажешь, та и выиграет.

– Я уже однажды играл в эту игру. И закончилась она... – Парис вздрогнул. – Не важно. Незачем об этом вспоминать. Так что нет. Просто нет.

– Как насчет...

Аэрон осекся, увидев, как женщина, на которую он пристально смотрел, исчезла в тени. Не пропала из поля зрения, что вполне в природе вещей. Что считается нормой. Нет, она просто растворилась: только что стояла на мостовой, а в следующий миг исчезла. Тень каким-то образом втянула ее в себя, точно на поводке.

Аэрон вскочил на ноги, и из щелей на его обнаженной спине автоматически появились и раскрылись крылья.

– У нас проблема.

– Что стряслось? – Парис тоже вскочил. Даже слегка покачиваясь после амброзии, он по-прежнему оставался воином и мгновенно выхватил кинжал.

– Темноволосая женщина. Ты ее видел?

– Которую из них?

Вот и ответ на вопрос Аэрона. Нет, не видел. В противном случае не стал бы спрашивать, о ком речь.

– Идем. – Аэрон обхватил друга за талию и прыгнул с крыши. Ветер трепал волосы Париса, несколько разноцветных прядей хлестнули его по лицу, а земля все приближалась... приближалась... – Смотри в оба. Мы ищем женщину с черными волосами до плеч, прямую, точно палка, ростом примерно пять футов десять дюймов, лет двадцати с небольшим, одетую во все черное. Скорее всего, она не человек.

– Убьем?

– Нет, в плен возьмем. У меня к ней есть вопросы.

Например, как ей удалось исчезнуть, зачем она здесь и на кого работает. У бессмертных всегда имеются мотивы.

Аэрон взмахнул крыльями за миг до столкновения с бетоном и камнем. Замедлившись, он с легким толчком приземлился на ноги, отпустил Париса, и они тут же разошлись в разных направлениях. После тысяч лет сражений бок о бок друзья знали, как действовать, не обговаривая каждое движение заранее.

Аэрон, пряча крылья, стремглав понесся по узкой улочке, уходящей налево, так как именно в этом направлении пошла женщина. По дороге он заметил нескольких людей – парочку, держащуюся за руки, бездомного, пьющего виски из бутылки, человека, выгуливающего собаку, – но ни следа темноволосой женщины. Добежав до кирпичной стены, Аэрон обернулся. Черт подери. Что, если она такая же, как Люсьен? Способна телепортироваться в любое место силой мысли?

Нахмурившись, Аэрон ринулся обратно. Если понадобится, он обыщет каждую улицу в этом районе. Однако на полпути назад тени вокруг него сгустились, затмевая золотистый свет фонарей. Из мрака просачивались тысячи приглушенных криков, полных мучения и агонии.

Аэрон остановился, опасаясь врезаться во что-то или кого-то, и выхватил кинжалы. Какого дьявола тут тво...

Вдруг из тени в нескольких шагах от него вышла женщина – *та самая* женщина. Она казалась единственным лучом света во внезапно возникшем огромном пространстве тьмы. Глаза черны, как окружающий мрак, губы – красные и увлажненные – похожи на кровь. Она была красива особенной, жестокой красотой.

Демон Ярости зашипел у Аэрона в голове.

На мгновение Аэрон испугался, что Кронос действительно услышал его мольбу и послал женщину терзать его. Но, глядя на нее, он не ощутил ни растекающегося по венам жара, ни учащенного сердцебиения, о которых рассказывали другие Владыки, описывая встречу со своими избранниками. В незнакомке нет ровным счетом ничего особенного – Аэрон через секунду бы о ней позабыл.

– Так-так-так. Похоже, мне улыбнулась удача! Один из Владык Преисподней почтил меня своим присутствием, – проговорила женщина хриплым, как у курильщика, голосом. – Даже просить не пришлось.

– Да, я Владыка. – Какой смысл отрицать очевидное? Горожане сразу узнают Аэрона и других воинов. Некоторые даже считают их ангелами. Охотники тоже узнают их с первого взгляда, но называют демонами. Как бы то ни было, этими сведениями едва ли можно воспользоваться против него. – И я в самом деле искал тебя.

Услышав это признание, незнакомка изобразила на лице легкое удивление.

– Какая честь. Зачем же ты меня искал?

– Хотел узнать, кто ты такая. – Может, правильнее было бы сказать «Что ты такое»?

– Возможно, я не настолько удачлива, как думала. – Она надула свои полные красные губы и притворилась, что вытирает слезу. – Раз родной брат меня не узнает.

Что ж, ситуация начала проясняться: она – лгунья.

– У меня нет сестры.

Она изогнула черную бровь.

– Ты в этом уверен?

– Да.

У Аэрона не было ни отца, ни матери; Зевс, Верховный бог олимпийцев, просто создал его, произнеся заклинание. Так же, как и всех остальных Владык.

– Упрямец! – Незнакомка прицокнула языком, напомнив этим жестом Париса. – Мне следовало бы догадаться, что мы будем похожи. В любом случае очень здорово наконец-то застать кого-то из вас в одиночку. И кто же мне попался? Нарциссизм? Я права, не так ли? Признайся, ты одержим Нарциссизмом. Потому и раскрасил свое тело татуировками с изображением собственного лица. Мило. Можно, я буду звать тебя Нарци?

Нарциссизм? Ни один из его собратьев не одержим этим демоном. Сомнение, Болезнь, Печаль и еще много других, да, но не этот. Аэрон покачал головой и тут вспомнил, что где-то существуют и другие одержимые демонами бессмертные. Бессмертные, которых он никогда не встречал. Но которых должен отыскать.

Так как именно Владыки открыли ларец Пандоры, они всегда полагали, что являются единственными бессмертными, чьи тела сделались вместилищем демонов. Но Кронос недавно развеял это заблуждение, вручив воинам свитки с именами других, им подобных. Похоже, демонов оказалось больше, чем виновников происшествия, и, так как ларец пропал, олимпийцы – правящие в то время боги – заточили оставшихся тварей в бессмертных узников Тартара.

Это открытие не предвещало Владыкам ничего хорошего. В бытность свою Бессмертной Гвардией Зевса они заперли в Тартаре много пленников, а преступники часто живут только ради мести. Аэрон отлично усвоил этот преподанный Яростью урок.

– Эй! – напомнила о себе женщина. – Ты еще здесь?

Часто заморгав, Аэрон посмотрел на нее сверху вниз, мысленно проклиная себя. Он позволил себе отвлечься в присутствии возможного врага. Дурак.

– Не твоего ума дело, кто я такой. – Эту информацию вполне можно использовать против него. Ярость в последнее время очень легко вспыхивает, и даже самые невинные замечания могут погрузить его – а следовательно, и Аэрона – в кровожадное безумие, подвергая опасности город и всех его жителей.

Во всем виноват следящий за ним ангел.

Вот только незачем обвинять ангела, когда демон Ярости начинает рычать в голове и скрестись в черепе, отчаянно желая действовать. Например, причинить боль. Самая сильная способность демона – умение чувствовать грехи любого человека, находившегося поблизости. А список прегрешений стоящей перед ним женщины, похоже, невероятно длинен.

– Судя по твоему внезапно помрачневшему лицу, ответ «нет» на оба вопроса. Ты не Нарци и ты не здесь.

– Замолчи...

Аэрон стиснул виски пальцами, почувствовав прикосновение к коже холодной стали клинков. Он попытался остановить близящуюся ментальную атаку – еще один отвлекающий фактор, который едва ли сможет сдержать. Бесполезно. Все многочисленные преступления незнакомки замелькали в его сознании, словно кадры на экране. Недавно она подвергла человека пыткам: приковала к стулу и подожгла. А до этого вспорола живот женщине. Еще она обманывала и воровала. Похитила ребенка из дома. Заманила мужчину в свою постель и перерезала ему горло. Насилие... так много насилия... море ужаса, боли и тьмы. Аэрон слышал крики ее жертв, ощущал запах горячей плоти и вкус крови.

Может, у нее имелись причины все это делать. А может, и нет. В любом случае Ярость хотел покарать незнакомку, воспользовавшись ее же методами: сперва заковать, затем выпотрошить, перерезать горло и поджечь.

Так действует демон Аэрона: избивает тех, кто бьет, убивает тех, кто несет смерть, и так далее. Демон Ярости подстрекал, Аэрон исполнял. Причем не единожды. Сейчас Аэрон отчаянно напрягал мышцы тела, стараясь удержаться на месте. «Спокойно. Нельзя терять контроль. Нужно оставаться в здравом уме». Но боги... желание наказать... было таким сильным... и нравилось ему больше, чем следовало бы. Как и всегда.

– Что ты делаешь в Будапеште, женщина? – Что ж, неплохо. Совсем неплохо. Он медленно опустил руки.

– Вау, – выдохнула она, игнорируя вопрос. – Ну и выдержка у тебя!

Неужели она знала, что его демон хочет причинить ей боль?

– Дай-ка угадаю. – Она постучала ногтем по подбородку. – Ты не Нарци, тогда, должно быть, ты... Шовинист. Я снова угадала, правда? Думаешь, красивая девушка вроде меня не перенесет правды? Ошибаешься. Но это не важно. Оставь свои секреты при себе. Ты меня еще узнаешь. О да, узнаешь.

– Да ты, никак, угрожаешь мне, женщина?

И снова она его проигнорировала.

– Ходят слухи, что Кронос дал тебе свитки и ты собираешься с их помощью выследить нас. Использовать нас. Возможно, даже убить.

У Аэрона упало сердце. Во-первых, незнакомка осведомлена о существовании свитков, тогда как Владыки о них только узнали. Во-вторых, она считает, что ее имя значится в списке. Значит, она действительно бессмертная – и преступница к тому же – и, если ей верить, тоже одержима демоном.

Аэрон женщину не узнал, значит, в темницу ее заточили не Владыки, а кто-то другой. Получается, она появилась на небесах до них. А это, в свою очередь, означает, что она – титан и представляет собой огромную угрозу, так как титаны куда более необузданные, чем их предшественники – олимпийцы.

Что еще хуже, именно вновь обретшие свободу титаны теперь заправляют всем миром. Возможно, незнакомка пользуется их божественным покровительством.

– Что в тебе за демон? – требовательно спросил Аэрон, не гнушающийся обратить слабости сидящей внутри ее твари против ее носителя.

Она зловеще усмехнулась, его грубый тон явно ее забавлял.

– Ты не сообщил мне аналогичной информации о себе. С чего же мне что-либо тебе рассказывать?

Невозможная женщина.

– Ты несколько раз упоминала слово «нас». – Аэрон посмотрел поверх ее плеча, будто ожидая, что кто-то выпрыгнет из-за спины и нападет на него. Но увидел лишь тьму... и снова услышал приглушенные крики. – Где же эти остальные?

– Черта с два я знаю. – Она развела руки в стороны, повернув к нему пустые ладони, словно показывая, что безоружна. – Я сама по себе, как всегда, и мне это нравится.

Возможно, она снова лжет. Какая женщина рискнет приблизиться к зловещему Владыке Преисподней без страховки? Не ослабляя бдительности, Аэрон посмотрел ей в глаза.

– Если ты явилась сражаться с нами, знай...

– Сражаться? – рассмеялась она. – Когда способна перебить вас всех во сне? Нет, я лишь хотела предупредить. Отзовите своих псов, или я сотру вас с лица земли. Мне это по силам.

После того, что показал демон Ярости, Аэрон ей поверил. Она нападает во тьме, как призрак, без предупреждения. Несомненно, нет на свете преступления, которое показалось бы ей чересчур жестоким. Но это не означает, что он удовлетворит ее требования.

– Можешь мнить себя сколь угодно могущественной, но всех нас тебе не победить. Если продолжишь делать подобные предупреждения, то добьешься лишь войны.

– Как бы то ни было, воин, я сказала, что хотела. Молись, чтобы эта наша встреча оказалась последней. – Тени снова стали сгущаться, окутав женщину и не оставив ни малейшего признака ее присутствия. Пока голос не прошептал прямо на ухо Аэрону: – Да, и вот еще что. Это был мой визит вежливости. В следующий раз я не стану играть по правилам.

Затем мир вновь обрел привычные очертания: дома по обеим сторонам улицы, громоздящиеся на тротуарах мешки с мусором, валяющийся невдалеке теперь уже мертвый пьяница. Демон Ярости наконец-то успокоился.

Аэрон оставался начеку, внимательно глядя по сторонам, готовый к нападению. Он напряженно ловил каждый звук, но слышал лишь собственное размеренное дыхание, шаги людей на улице и пение ночных птиц.

Снова выбросив крылья, Аэрон взмыл в воздух, полный решимости найти Париса и вернуться в крепость. Нужно предупредить остальных Владык. Кем бы ни являлась эта кровожадная женщина и на что бы она ни была способна, с ней надо разобраться. И поскорее.

Глава 2

– Аэрон! Аэрон! – раздался крик, едва Владыка приземлился на балконе, примыкающем к его спальне.

Вздрогнув от звука незнакомого женского голоса, он поспешно отпустил Париса.

– Аэрон!

Полный ужаса и отчаяния, пронзительный женский крик прозвучал в третий раз, заставив Аэрона с Парисом обернуться и посмотреть на расстилающийся внизу холм. Мощные кроны деревьев вырисовывались на фоне ночного неба, заслоняя обзор, но даже сквозь пеструю завесу зелени и веток Аэрон сумел различить одетую в белое фигуру, бегущую напрямик к их дому.

– Девушка-из-Тени? – удивился Парис. – Как, черт возьми, ей удалось так быстро пробраться за ограждение? Без посторонней помощи?

Пока они летели обратно в крепость, Аэрон рассказал ему о встрече с таинственной женщиной в переулке.

– Это не она, – возразил Аэрон. Голос этой женщины выше, мелодичнее и гораздо менее уверенный. – А как она преодолела ограждение... я не знаю.

Несколько недель назад, оправившись после ран, полученных в очередной схватке с охотниками, Владыки обнесли крепость железной оградой пятнадцати футов в высоту, обмотанной колючей проволокой и с шипами на концах, такими острыми, что и стекло бы разрезали. Ограда находилась под напряжением, достаточным, чтобы вызвать у человека сердечный приступ. Любой, кто рискнул бы карабкаться наверх, не прожил бы достаточно долго, чтобы спуститься с противоположной стороны.

– Думаешь, она наживка? – Парис склонил голову, внимательно разглядывая девушку. – Ее могли забросить сюда с вертолета.

Охотники славятся тем, что используют красивых смертных женщин, чтобы выманить Владык из крепости, отвлекать и ловить их, а затем пытаться. Эта нежданная гостья с длинными выщипанными волосами шоколадного цвета, белоснежной кожей и гибким, божественно прекрасным телом определенно отвечает нужным критериям. Она еще не подошла достаточно близко, чтобы Аэрон смог различить черты ее лица, но готов был побиться об заклад, что они тонкие и изящные.

Из щелей у него на спине выскользнули крылья.

– Возможно, – ответил он.

Будь прокляты охотники с их идеальным моментом для нападения! Половина воинов отправилась в Рим, в храм Неназываемых, руины которого недавно поднялись из моря, в надежде найти какую-нибудь зацепку, приведшую бы к утерянным божественным артефактам. Собрав воедино все четыре, они рассчитывают определить местонахождение ларца Пандоры.

Охотники намерены использовать ларец, чтобы снова запереть в нем демонов, тем самым уничтожив их носителей – Владык, которые не могут существовать без своих темных «жилецов». Воины же просто хотят уничтожить ларец.

– Там все опутано проводами! – воскликнул Парис дрожащим голосом. Из-за появления Девушки-из-Тени, как он ее прозвал, Парис не успел переспать ни с кем в городе, чтобы восстановить силы, и они в настоящий момент продолжают умирать. – Если она не поостережется, то... Даже наживка не заслуживает подобной смерти.

– Аэрон!

Схватившись за перила балкона, Парис перегнулся, чтобы лучше видеть происходящее.

– Почему она зовет тебя? При этом фамильярно называя по имени?

– Если она наживка, значит, где-то поблизости затаились в ожидании меня охотники. Они нападут, как только я попытаюсь ей помочь.

Парис выпрямился, подставив лицо лунному свету. Под его глазами залегли тени.

– Я позову остальных, и мы с ней разберемся. И с охотниками тоже.

Не успел Аэрон и слова сказать, как Парис пробежал через спальню и выскочил в коридор, громко стуча ботинками по каменному полу.

Аэрон снова сосредоточил внимание на девушке. Она приближалась, и теперь он рассмотрел, что обернутая вокруг ее тела белая ткань в действительности платье. А на спине, которая прежде была ему не видна, алеют красные пятна.

Туфель на девушке не было. Споткнувшись босой ногой о камень, она упала, и ее волосы цвета шоколада заструились каскадом. Вплетенные в пряди цветы начали увядать и осыпаться, а торчащие во все стороны веточки едва ли задумывались как украшение прически. Она поднесла трясущиеся руки к лицу и откинула волосы.

Наконец-то Аэрон смог разглядеть ее черты, а увидев, вздрогнул и напрягся. Даже перепачканное грязью и опухшее от слез, лицо было совершенным, как он и предполагал. Огромные небесно-голубые глаза, изящный нос, точеные скулы и подбородок и дивные губы в форме сердечка.

Аэрон никогда не встречал ее прежде – он бы запомнил, – но внезапно ощутил в ней что-то... неуловимо знакомое.

Неуклюже поднявшись, морщась и постанывая, девушка снова устремилась вперед. И снова упала. С губ ее сорвался стон, но она поднялась и упрямо продолжила пробираться к крепости. Наживка она или нет, подобная решимость достойна восхищения.

Каким-то образом незнакомка ухитрилась обойти все ловушки, словно знала, где они расположены, но, споткнувшись и упав на землю в третий раз, так и осталась лежать, содрогаясь от рыданий.

Глаза Аэрона расширились, когда он внимательно рассмотрел ее спину. Красное... Неужели... кровь? Рана, судя по всему, свежая. Легкий ветерок донес запах до ноздрей Аэрона, и он ощутил на языке металлический привкус, подтвердивший его подозрения. Да, это кровь.

Ее? Или кого-то другого?

– Аэрон. – Она больше не кричала, только плакала. – Помогите мне.

Его крылья раскрылись, прежде чем он успел хорошенько обдумать ситуацию. Вероятно, охотники ранили наживку перед тем, как послать ее в логово льва, рассчитывая вызвать у будущей жертвы сострадание. Даже если и так, Аэрон не собирался бросать раненую беззащитную девушку, хоть, скорее всего, и получит в конечном итоге стрелу или пулю в спину. Ему не впервой. Не собирался он и позволять друзьям рисковать жизнью, чтобы спасти – или уничтожить – его маленькую гостью.

«Почему я?» – задался он вопросом, взлетая с балкона. Некоторое время он поднимался вверх, а потом ринулся вниз, выписывая в воздухе зигзаги, чтобы затруднить предполагаемому врагу прицел, однако не услышал ни свиста стрел, ни грохота выстрелов. Несмотря на это, Аэрон не стал приземляться рядом с девушкой. Не снижая скорости, он подхватил ее на руки и взмыл ввысь.

Возможно, она боится высоты, потому и напряглась. А возможно, ожидала, что его убьют прежде, чем он успеет до нее добраться, и теперь ей просто страшно. Аэрону все равно. Он сделал то, что собирался. Он спас ее.

Незнакомка стала слабо отбиваться, бормоча сквозь боль и потрясение:

– Не трогай меня! Отпусти! Отпусти или клянусь...

– Ради всего святого, не дергайся, или я нарочно тебя уроню.

Он обхватил ее поперек туловища, держа лицом вниз, так что ей было хорошо видно, с какой высоты пришлось бы падать.

– Аэрон? – Изогнув шею, она посмотрела на него. Когда их взгляды встретились, она расслабилась и даже медленно улыбнулась. – Аэрон, – повторила она с придыханием, – я так боялась, что ты не придешь.

Радость от встречи с ним, такая искренняя, без грана притворства, удивила и даже немного смутила его. Раньше женщины никогда так на него не смотрели.

– Не того боялась. Тебе следовало страшиться, что я приду.

Ее улыбка угасла.

Так-то лучше. Единственное, что сейчас волнует Аэрона, – это молчание демона. Его сознание должны были наводнить образы и желание покарать, как в случае с Девушкой-из-Тени.

«Позже будешь об этом волноваться».

Продолжая выписывать в воздухе зигзаги, он влетел в свою спальню, против обыкновения не задержавшись на балконе, желая как можно скорее попасть в укрытие. На всякий случай. Впопыхах Аэрон зацепился расправленными крыльями о дверной косяк, и их тут же окатило волной боли.

Аэрон покачнулся, но быстро выпрямился и, прошагав к кровати, бережно уложил свою ношу на матрас, лицом вниз. Когда он провел кончиком пальца вдоль ее позвоночника, губы в форме сердечка приоткрылись и девушка издала мучительный стон. Он надеялся, что ее испачкали чужой кровью, но нет. Раны оказались настоящими.

Это открытие не смягчило Аэрона. Возможно, она сама себя поранила – или позволила это сделать охотникам, – чтобы вызвать сострадание. «Никакого сострадания с моей стороны. Только раздражение». Направившись к шкафу, он попытался сложить крылья, но, будучи поврежденными, они никак не убирались, что лишь усилило его злость на незваную гостью.

Веревки у него не было, но покидать комнату и отправляться на ее поиски совершенно не хотелось, поэтому Аэрон схватил пару галстуков, которые ему дала Эшлин на случай, если он захочет «принарядиться», и вернулся к кровати.

Девушка повернула голову, прижавшись щекой к матрасу, и следила за каждым движением Аэрона, словно не в силах ни на миг отвести взгляд, но в ее глазах, в отличие от других женщин, не было отвращения. В них светилось что-то похожее на страсть.

Притворство, без сомнения.

И все же эта страсть... показалась ему знакомой, что не могло не тревожить. Аэрон еще раньше заметил, что, когда незнакомка произнесла его имя с необъяснимым, но очевидным томлением, в глубине души он понял, что когда-то уже сталкивался с этим ощущением. Но когда? Где?

Она ли вызвала это ощущение?

Продолжая внимательно смотреть на девушку сверху, Аэрон вдруг сообразил, что Ярость по-прежнему молчит. Он почти уверен, что видит ее впервые, но демон так и не удосужился прокрутить в его голове череду ее грехов. Как странно. Прежде это случалось лишь однажды – с Легион. Причина до сих пор оставалась ему неизвестна, ведь, боги свидетели, его малышка-демонесса уж точно не святая.

Почему же это происходит снова? Да еще и с вероятной наживкой?

Неужели эта женщина никогда не грешила? Ни разу никому грубого слова не сказала? Никогда никого не подставила и не украла какой-нибудь ерунды вроде конфетки? Ее ясные небесно-голубые глаза говорили, что такое вполне возможно. Или она все же грешила, как Легион, но ее проступки по какой-то причине Яростью не зафиксировались?

– Кто ты?

Аэрон обхватил пальцами ее тонкое запястье – м-м-м, какая теплая мягкая кожа! – и галстуком привязал к столбику кровати. Потом повторил ту же процедуру со второй рукой.

Возражений со стороны незнакомки не последовало, будто она ожидала – и заранее смирилась – с подобным обращением.

– Меня зовут Оливия.

Оливия. Красивое имя и подходит его обладательнице. Такое нежное. Вот только голос ее никак нельзя назвать нежным. Глубокий, он таит в себе... что? Единственное слово, которое приходит на ум, – «честность», и она излучает ее с такой силой, что Аэрон отшатнулся.

Он готов был побиться об заклад, что этот голос ни разу не произнес ни единого лживого слова. Просто не смог бы.

– Что ты здесь делаешь, Оливия?

– Я здесь... я здесь ради тебя.

И снова правда... мощным потоком хлынула в уши Аэрону, до краев заполнила тело и едва не свалила с ног, не оставляя места подозрениям. Даже малейшим. Аэрон поверил каждому ее слову, так как не мог поступить иначе.

Сабину, одержимому демоном Сомнения, она бы понравилась, ведь ничто так не радовало его демона, как утрата кем-либо уверенности в себе.

– Ты наживка?

– Нет.

Он вновь ей поверил, у него просто не было выбора.

– Ты пришла, чтобы убить меня?

Аэрон выпрямился, скрестив руки на груди и выжидаяще глядя на нее сверху вниз.

Он знал, каким свирепым сейчас выглядит со стороны, но девушка отреагировала совсем не так, как прочие представительницы слабого пола: не задрожала, не испугалась и не заплакала. Лишь взмахнула длинными черными ресницами, словно он ранил ее чувства, плохо о ней подумав.

– Нет, конечно нет. – Пауза. – Вернее, теперь нет.

Теперь нет?

– Значит, когда-то ты все же собиралась меня уничтожить?

– Да, некогда меня именно за этим и послали.

Какая искренность...

– Кто послал?

– Поначалу Единый Истинный Бог отправил меня просто наблюдать за тобой. Я вовсе не хотела отпугнуть твою маленькую подружку. Я лишь пыталась делать свою работу.

Слезы навернулись ей на глаза, превращая их в озера искреннего раскаяния. «Никакой жалости», – напомнил себе Аэрон.

– Кто такой этот Единый Истинный Бог?

Черты ее лица озарила безграничная любовь, мгновенно прогнав гримасу боли.

– Твой Бог, мой Бог. Он гораздо более могущественный, чем ваши боги, хотя предпочитает скрываться в тени и редко себя обнаруживает. Отец всего человечества. Отец... ангелов. Таких, как я.

«Ангелов. Таких, как я». Последние слова девушки эхом раздавались в голове Аэрона. Глаза его расширились от изумления. Неудивительно, что демон не почувствовал в ней зла. И что взгляд ее казался таким знакомым. Она ангел. Тот самый ангел, посланный, по ее собственному признанию, убить его. Хотя теперь она и не собирается этого делать. Интересно, почему?

Впрочем, какая разница? Это хрупкое на вид существо некогда назначили его палачом.

Аэрон едва сдержал смех. Будто ей по силам одолеть его!

«Ты же ее не видел. Как бы ты смог дать ей отпор, если бы она явилась за твоей головой?»

От этой мысли веселье разом испарилось. Это она наблюдала за ним последние несколько недель. Она следовала по пятам невидимой тенью, вынудив бедняжку Легион спастись бегством.

Что снова возвращало к вопросу: почему Ярость не реагирует на нее так, как Легион – со страхом и физической агонией? Аэрон решил, что ангелу по силам контролировать, какой из демонов может ее почувствовать. Эта полезная способность позволит ей держать потенциальных жертв в неведении относительно ее присутствия и дальнейших намерений.

Аэрон ожидал, что его вот-вот захлестнет волна дикой ярости, которую он пообещал себе обрушивать на это существо снова и снова, если только оно проявит себя. Однако ярости не последовало, и Аэрон призадумался. Он должен любой ценой защитить своих друзей.

Но эта цель оставалась безнадежно далекой. Что же ему делать? Аэрон смутился.

– Так ты...

– Ангел, который следил за тобой, верно, – сказала она, подтверждая его подозрения. – Точнее, я была ангелом. – Она прикрыла глаза, и на ее ресницах задрожали слезы. – А теперь я ничто.

И снова Аэрон ей поверил – как же иначе? Этот голос... В самом деле, он хотел бы усомниться в ее словах, хоть в чем-нибудь, но не мог. Аэрон протянул к ней дрожащую руку.

«Ты что, ребенок? Немедленно соберись».

Хмурясь от подобного проявления слабости, Аэрон заставил себя успокоиться и аккуратно, чтобы не задеть раны, отвел в сторону волосы девушки. Взялся за овальный вырез горловины платья и осторожно потянул. Мягкая ткань легко разошлась, открывая спину.

И снова глаза Аэрона расширились. Между лопаток, там, где должны были быть крылья, к позвоночнику тянулись две глубокие рваные раны, обнажающие сухожилия, мышцы и даже кость. Варварские, жестокие, немилосердные, все еще кровоточащие раны. Однажды Аэрону самому вырвали крылья, и это была самая болезненная травма за всю его долгую жизнь.

– Что произошло? – спросил он внезапно охрипшим голосом.

– Я пала, – призналась она дрожащим от стыда голосом и уткнулась лицом в подушку. – Я больше не ангел.

– Почему?

Аэрон никогда раньше не сталкивался с ангелами – за исключением Лисандра, но этот мерзавец не в счет, так как отказался обсуждать с Владыками хоть что-то важное, – поэтому мало о них знал. Все его сведения почерпнуты из рассказов Легион и, как следствие, могут быть окрашены ее личной ненавистью к этим созданиям. Ни одно из описаний демонессы не подходило девушке, лежащей сейчас на его кровати.

По словам Легион, ангелы – бесчувственные и бездушные создания, живущие ради единственной цели: уничтожения своих темных противников – демонов. Также она утверждала, что ангелы частенько поддавались соблазну плоти, очарованные теми, кого должны были ненавидеть. Такие ангелы низвергались прямиком в ад, где демоны, которых они некогда победили, получали возможность немного насладиться местью.

Аэрон задумался, уж не случилось ли подобное с этим ангелом? Неужели она побывала в аду и на себе испытала пытки демонов? Возможно.

Следует ли ему развязать ее? Ее глаза... такие бесхитростные, такие наивные, они буквально молят о помощи. И о спасении.

Но больше всего они просят обнять и никогда не отпускать.

Изо всех сил стараясь сдержаться, Аэрон подумал, что уже давал себя одурачить подобному невинному на вид созданию. И Баден некогда попался на похожую уловку и поплатился за это жизнью.

«Нужно поступить по-умному и разузнать о ней побольше, прежде чем что-то делать», решил Аэрон.

– Кто лишил тебя крыльев?

Вопрос прозвучал отрывисто и неприветливо, и воин кивнул, довольный собой.

Она сглотнула и вздрогнула.

– Когда меня повергли с небес...

– Аэрон, тупой придурок, – перебил ее мужской голос. – Скажи мне, что ты не...

Парис величественной поступью вошел в спальню, но замер на месте при виде Оливии. Пришурившись, он провел языком по зубам.

– Значит, это правда. Ты действительно слетал вниз и подобрал ее.

Оливия напряглась и спрятала лицо в подушке. Плечи ее затряслись, словно от рыданий. Неужели она наконец испугалась? Почему именно сейчас?

Женщины ведь обожают Париса.

«Сосредоточься». Аэрону не нужно было спрашивать, откуда Парис обо всем узнал. Торин, одержимый демоном Болезни, следит за крепостью и холмом, на котором она стоит, двадцать восемь часов в сутки, девять дней в неделю – так, по крайней мере, казалось.

– Я думал, ты пошел созывать остальных.

– Торин прислал мне сообщение, и сначала я заглянул к нему.

– Что он тебе о ней сказал?

– Выйдем в коридор, – предложил Парис, кивая в сторону двери.

Аэрон качнул головой:

– Можно и при ней говорить. Она не наживка.

Язык Париса снова прошелся по белым ровным зубам.

– А я еще думал, что стану дураком, когда дело касается женщин. Откуда тебе знать, кто она на самом деле? Она сказала тебе, а ты ей сразу и поверил? – насмешливо протянул Парис.

– Она ангел, деспот ты эдакий! Это она наблюдала за мной.

Эти слова моментально стерли презрительное выражение с лица Париса.

– Настоящий ангел? С небес?

– Да.

– Как Лисандр?

– Да.

Парис медленно окинул девушку взглядом. Будучи знатоком женщин, он, вероятно, сразу же узнал о ее теле все, что можно. Размер груди, охват бедер, точную длину ног. Аэрон тем временем пытался убедить себя, что его не трогает такое пристальное внимание к Оливии со стороны Париса. Ведь она для него ничего не значит. От нее одни неприятности.

– Кем бы она ни была, – произнес Парис куда более спокойным тоном, – это не означает, что она не работает на нашего врага. Не мне тебе напоминать, что Гален, этот величайший в мире хвастун, называет себя ангелом.

– Да, но он лжет.

– А она лгать не может?

Аэрон потер лицо, чувствуя, как на него наваливается усталость.

– Оливия, ты помогаешь Галену, чтобы причинить нам вред?

– Нет, – пробормотала она, и Парис отшатнулся, как прежде Аэрон, прижимая руку к груди.

– Боги всемогущие, – ахнул он. – Этот голос...

– Знаю.

– Она не наживка и не помогает Галену. – В устах Париса это уже звучало как утверждение.

– Знаю, – повторил Аэрон.

Парис тряхнул головой, словно пытаясь привести мысли в порядок.

– Как бы то ни было, Люсьен захочет проверить, нет ли на холме охотников. На всякий случай.

Это одна из многих причин, по которым Аэрон в свое время последовал за Люсьеном. Владыка, одержимый демоном Смерти, умен и осторожен.

– Когда он закончит, созови всех, кто сейчас в крепости, и расскажи им о той, другой женщине, которую я встретил на улице.

Парис кивнул, и его голубые глаза вдруг блеснули.

– Тот еще вечерок у тебя выдался, да? Интересно, кого еще ты сегодня повстречаешь?

– Да избавят меня боги от новых встреч, – пробормотал Аэрон.

– Не стоило дразнить Кроноса, приятель.

Желудок Аэрона сжался, а взгляд метнулся к ангелу. Неужели Верховный бог действительно ответил на его вызов? Была ли Оливия той, за которой ему придется побегать? Он почувствовал, что сердце его гулко колотится в груди, а кровь вскипает в жилах.

Аэрон стиснул зубы. Не важно, является Оливия той, о ком он просил, или нет. Она может попытаться его соблазнить, но потерпит поражение даже с этим своим водопадом шоколадных волос, невинными голубыми глазами и губами в форме сердечка.

– Я не сожалею о сказанном, – заявил Аэрон, не зная, говорит ли правду или лжет. Вряд ли Кронос обладает властью над ангелами. Возможно, он не имеет к происходящему никакого отношения.

Опять-таки не важно. Аэрон не только не даст ангелу прельстить себя, но и выгонит из крепости прежде, чем она начнет доставлять неприятности.

– К твоему сведению, – продолжил Парис, – Торин засек ее на холме с помощью своих скрытых камер. Сказал, что она выбралась из-под земли.

Из-под земли. Означает ли это, что ее действительно низвергли в ад и ей пришлось буквально ногтями прокапывать себе дорогу на свободу? Аэрон не мог представить, чтобы такая хрупкая на вид девушка сумела осуществить подобное, да еще и выжить. Но затем вспомнил, как решительно она бежала к крепости. Что ж, возможно.

– Это правда?

Он посмотрел на Оливию по-новому. У нее грязь под ногтями и руки испачканы в земле. Зато платье абсолютно чистое, за исключением пятен крови на спине.

Прямо на глазах разорванная им ткань сошлась, подобно тому, как его собственное тело заживляет раны. Кусок ткани, умеющий исцеляться? Эти чудеса когда-нибудь закончатся?

– Оливия, ответь мне.

Она кивнула, не отрывая лица от подушки. Аэрон услышал всхлипывания. Ну точно, плачет.

В груди кольнуло, но он проигнорировал боль. «Не важно, кто она такая и что вытерпела. Черт возьми, не раскисай. Она отпугивает Легион и причиняет ей боль и потому должна уйти».

– Настоящий, живой ангел, – с благоговением произнес Парис. – Я заберу ее в свою комнату, если ты не против, и...

– Она слишком изранена для любовных игр, – отрезал Аэрон.

Парис бросил на него странный взгляд, затем ухмыльнулся и покачал головой:

– Я и не собирался с ней развлекаться, так что оставь свою ревность.

Это даже ответа не заслуживало. Аэрон никогда не ревновал прежде и не собирался начинать сейчас.

– Зачем тогда ты предлагаешь перенести ее к себе в комнату?

– Чтобы перевязать ее раны. Ну, и кто из нас деспот?

– Я сам о ней позабочусь.

Интересно, подходят ли ангелам человеческие лекарства? Или они лишь навредят? Аэрон хорошо знал, как опасно давать одной расе то, что предназначено для другой. Эшлин, к примеру, едва не умерла, попробовав амброзию – вино бессмертных.

Можно было бы спросить у Лисандра, но избранный ангел-воитель в настоящее время живет с Бьянкой на небесах, и, если и есть какой-то способ до него достучаться, Аэруну о нем не сказали. Кроме того, Лисандр его не любит и едва ли по доброй воле станет делиться информацией о своей расе.

– Хочешь сам нести за нее ответственность? Изволь! Но признай, – ухмыльнулся Парис, – что уже предъявляешь на нее права.

– Ничего подобного.

У Аэрона не было ни малейшего желания это делать. Просто Оливия ранена, не может о себе позаботиться и уж тем более не в состоянии с кем-либо переспать. А это все, что нужно от нее Парису. Секс. Что бы он там ни болтал про раны.

Кроме того, она звала именно Аэрона. Выкрикивала его имя.

Ничуть не смутившись, Парис продолжил:

– Ты же понимаешь, что технически ангел – не человек. Ангел – это нечто большее.

Аэрон щелкнул зубами. «И это все, что ты запомнил из нашего разговора?»

– Я сказал, что не предъявляю на нее прав.

Парис рассмеялся:

– Как пожелаешь, дружище. Наслаждайся своей женщиной.

Аэрон сжал кулаки, раздраженный насмешками друга.

– Иди и передай Люсьену все, о чем мы говорили, но ни в коем случае не рассказывай женщинам, что здесь находится раненый ангел. Иначе они сбегутся в мою комнату, желая ее увидеть, а сейчас не самое подходящее время.

– Почему? Собираешься с ней перепихнуться?

Аэрон стиснул зубы с такой силой, что испугался, как бы не стереть их в порошок.

– Я собираюсь ее допросить.

– Вот, значит, как это теперь называется! Что ж, желаю хорошо повеселиться.

Продолжая ухмыляться, Парис вышел из комнаты.

Вновь оставшись с девушкой наедине, Аэрон посмотрел на нее. Ее безмолвный плач наконец прекратился, и она снова встретилась с ним взглядом.

– Что ты здесь делаешь, Оливия?

Звук ее имени не должен был повлиять на Аэрона – в конце концов, он произносил его раньше, – однако это случилось. Кровь его вскипела. Должно быть, всему виной ее глаза... такие пронзительные...

Оливия прерывисто вздохнула.

– Я знала о последствиях, знала, что лишусь своих крыльев, способностей, бессмертия, но все равно пошла на это. Просто... моя задача изменилась. Я больше не дарила радость. Только смерть. И ненавидела то, что они заставляли меня делать. Я не смогла исполнить приказ, Аэрон. Просто не смогла.

То, как она произнесла его имя – так привычно, – выбило его из колеи, и у него перехватило дыхание. Что с ним такое творится? «Соберись. Стань тем хладнокровным, жестким воином, каким был всегда».

– Я следила за тобой, – продолжила она. – За тобой и за всеми, кто тебя окружает, и это... причиняло мне боль. Я желала тебя и всего, что у вас есть, – свободы, любви и веселья. Я хотела развлекаться. Хотела целовать тебя и касаться твоего тела. Хотела наслаждаться жизнью. – Она посмотрела на него потухшим, сломленным взглядом. – В конце концов мне пришлось выбирать. Пасть... или убить тебя. Я решила пасть. И вот я здесь. Рядом с тобой.

Глава 3

«Рядом с тобой». Не следовало ей это говорить. Оливия застыла от ужаса, и вес мысли в голове затмило понимание: она только что все разрушила.

Надо было попытаться смягчить для Аэрона правду. В конце концов, каждый раз, когда на протяжении этих нескольких недель она приближалась к нему, он угрожал ей мучениями и смертью. То, что она невидима, не имело для него значения. Он знал, что она рядом. Оливия так и не сумела понять, как ему удавалось ее почувствовать. Она ведь должна быть неосязаемой, словно бестелесный призрак в ночи. А теперь, когда она лежит здесь во плоти и выбалтывает свои секреты, Аэрон, вероятно, сочтет ее еще большей угрозой. Врагом.

Вероятно? Оливия безрадостно рассмеялась. Так и есть. Его вопросы хлестали ее, словно бич, раня до глубины души. Да. Она проиграла. Аэрон теперь не захочет иметь с ней ничего общего. Разве что подвергнет мучениям и смерти, как и собирался.

«Не затем ты с боем пробивалась из глубин ада, чтобы быть зарезанной в крепости». Она прошла через все это ради шанса быть с Аэроном. Несмотря на вероятность быть им отвергнутой.

«Ты можешь это сделать». Она так долго тайком наблюдала за ним, что возникло ощущение, будто хорошо его знает. Он дисциплинирован, держится особняком и безукоризненно честен. Не доверяет никому, кроме друзей. Не терпит слабости. При всем при этом он добр, внимателен и заботлив с теми, кого любит. Ставит их благополучие превыше собственного. «Вот бы меня так любили».

Ах, если бы Аэрон увидел Оливию до того, как ее вышвырнули из единственного дома, который она когда-либо знала! До того, как у нее отняли способность летать. Прежде, чем из ее памяти стерли новоприобретенное умение создавать оружие из воздуха. Прежде, чем она утратила способность закрываться от зла этого мира.

А сейчас...

Она сделалась слабее простого смертного. За всю свою долгую, насчитывавшую несколько столетий жизнь Оливия привыкла больше полагаться на крылья, чем на ноги, и теперь даже не знала, как правильно ходить. Что, если у нее вообще не получится подружиться с собственными ногами?

Она всхлипнула. Она променяла свой дом и друзей на боль, унижение и беспомощность. Если и Аэрон ее вышвырнет, ей просто некуда будет пойти.

– Не плачь, – процедил Аэрон сквозь зубы.

– Не могу... ничего... с собой поделатъ, – ответила она, сотрясаясь от рыданий. Прежде Оливия плакала лишь однажды, причем тоже из-за Аэрона – когда поняла, что чувства к нему полностью затмили инстинкт самосохранения.

Масштаб того, что она натворила, с трудом укладывался в голове. Она оказалась одна, заключенная в слабом теле, с которым не умеет обращаться, и зависит от милости мужчины, который время от времени сеет смерть и разрушения среди ничего не подозревающих людей. Людей, за счастье которых она, будучи вестником радости, некогда отвечала.

– Попытайся, черт тебя дерни.

– Не мог бы ты... возможно... не знаю... обнять меня? – с трудом выговорила она.

– Нет! – Кажется, сама мысль об этом привела его в ужас. – Просто немедленно прекрати плакать.

Оливия разрыдалась пуще прежнего. Будь она дома, ее наставник Лисандр заключил бы ее в объятия и ворковал над ней до тех пор, пока не успокоил. По крайней мере, она думала, что он именно так бы и поступил, хотя шанса проверить теорию на практике никогда не представлялось.

Бедный милый Лисандр. Знает ли он, что она пропала? И никогда не вернется? Ему известно лишь, что его подопечная очарована Аэроном и проводит каждую свободную минуту, тайком наблюдая за ним, будучи не в силах выполнить свое ужасающее задание. Но Лисандр и предположить не мог, что она пожертвует всем ради мужчины.

Если честно, Оливия и сама не думала, что когда-нибудь на такое отважится.

Впрочем, нечто подобное можно было предположить, ведь все ее проблемы начались еще до того, как она впервые увидела Аэрона.

Несколько месяцев назад в ее крыльях появился золотой пушок. Золотой – это отличительный цвет воителей, а Оливия никогда не стремилась пополнить собой их ряды, даже ради повышения ранга.

Вспомнив о своих несчастьях, Оливия вздохнула. Существует три уровня иерархии ангелов. Семеро Избранных, куда входит и Лисандр, подчиняются непосредственно Единому Истинному Богу. Их выбрали еще в начале времен, и с тех пор они неукоснительно исполняют свои обязанности: обучают других ангелов и отслеживают проявления зла. Следующими идут воители, в чью задачу входит уничтожение демонов, сумевших сбежать из огненных тюрем. И последние – это вестники радости, к которым некогда принадлежала и Оливия.

Многие из ее собратьев испытали мимолетный укол зависти при появлении в ее крыльях золотого пуха – ничего серьезного, разумеется, – но впервые в жизни она засомневалась в том, как быть дальше. Почему именно ее избрали для подобной задачи?

Работу свою Оливия любила. Ей нравилось нашептывать людям красивые слова, даря радость и уверенность в себе. Мысль о том, чтобы причинить вред другому живому существу, пусть даже и заслуживающему наказания... заставляла ее содрогаться.

Именно тогда Оливия впервые задумалась о падении и начале новой жизни. Сначала мысли эти были вполне невинны. «Что, если» и «может быть»... Взявшись следить за Аэроном, она стала размышлять об этом все чаще. Что, если бы они были вместе? Возможно, смогли бы жить долго и счастливо.

На что это вообще похоже – быть человеком?

Так что к тому времени, как Высший Небесный Совет – внушающее страх собрание, куда входят ангелы – представители всех трех категорий, – вызвал ее в зал суда, она ожидала наказания за отказ уничтожить Аэрона. Вместо этого ей выдвинули ультиматум.

Она стояла в центре просторной белой комнаты с куполообразным потолком и образующими идеальный круг стенами, вдоль которых тянется ряд белоснежных колонн, увитых плющом совершенного, непорочно-белого цвета. Между колоннами установлены троны, на каждом из которых восседает величественная фигура.

– Ты знаешь, зачем тебя сюда призвали, Оливия? – спросил звучный голос.

– Да. – Хоть она и дрожала от страха, ее длинные грациозные белоснежные крылья с вплетением между перьями лунного золота не прекращали плавно двигаться. – Чтобы поговорить об Аэроме, Владыке Преисподней.

– Мы терпеливо ждали несколько недель, Оливия. – Бесстрастный голос эхом отдавался в ее голове, словно бой предвещающего войну барабана. – Мы предоставили тебе множество возможностей проявить себя. И каждый раз ты терпела неудачу.

– Я не предназначена для подобного, – ответила она дрожащим голосом.

– Твое предназначение именно в этом и заключается. Нет лучшего способа принести радость, чем избавить людей от зла. Это тебе и нужно сделать для завершения задачи. Даем тебе последний шанс. Ты убьешь Аэрона, или мы убьем тебя.

Она понимала, что на самом деле решение Совета вовсе не жестокое. Просто на небесах такие порядки. Одна-единственная капля яда способна отравить океан, поэтому необходимо уничтожить ее прежде, чем она попадет в его волны. Однако Оливия все равно возразила:

– Вы не можете убить меня без одобрения Единого Истинного Бога.

Которого Он не даст, так как является воплощением нежности и доброты. Он заботится о своем народе, обо всех живых существах. Даже о своенравных ангелах. Проще говоря, Он есть любовь.

– Но мы можем изгнать тебя, прекратив твое нынешнее существование, – проговорил близкий голос, принадлежащий, однако, женщине.

На мгновение у Оливии перехватило дыхание, и перед глазами заплескали яркие искры. Неужели они пойдут на подобное? Она ведь только что прикупила себе новое большое облако. И пообещала подменить одного из друзей – вестников радости, чтобы тот мог взять отпуск, – а она никогда прежде не нарушала обещаний. Тем не менее она продолжала упрямствоваться:

– Аэрон не зло. Он не заслуживает смерти.

– Это не тебе решать. Он нарушил древний закон и должен понести наказание, иначе другие сочтут, что могут поступать так же, не боясь последствий.

– Сомневаюсь, что он вообще сознает, что натворил. – Оливия умоляюще простерла вперед руки. – Если бы вы позволили ему увидеть меня, услышать мой голос, я бы поговорила с ним и объяснила...

– В таком случае древний закон нарушим мы сами.

Истинная правда. Вера зиждется на принципе принятия сердцем того, что недоступно глазу. Лишь Семерым Избранным время от времени дозволяется являться на землю в своем истинном обличье, чтобы вознаградить людей за их веру.

– Прошу прощения, – проговорила Оливия, опустив голову. – Не следовало мне просить о подобном.

– Ты прощена, дитя, – ответили ей в унисон.

Прощение здесь всегда даровали очень легко. Кроме тех случаев, когда нарушались заповеди. «Бедный Аэрон», – подумала она, а вслух сказала:

– Благодарю вас.

Дело в том, что... ее просто влечет к Аэрону. Со своим покрытым татуировками телом он выглядит абсолютным демоном, и все же, впервые увидев его, Оливия испытала желания слишком сильные, чтобы их игнорировать. Что она почувствует, если дотронется до него? А если Аэрон дотронется до нее? Познает ли она сама счастье, которое приносит другим?

Поначалу она стыдилась подобных мыслей. Но чем лучше узнавала Аэрона, тем сильнее становилось ее желание, – и в конечном итоге стремление пасть и быть с ним вытеснило все остальные.

Наконец Оливия приняла свою сильнейшую привязанность к Аэрону, потому что, несмотря на внешность и даже на решение Совета, он отличается честностью и добротой. А раз ему присущи эти качества, значит, и ей позволительно делать то же, что и он, и при этом оставаться честной и доброй. Более того, ей ничто бы не угрожало, потому что Аэрон прирожденный защитник, который сумеет уберечь ее от всего на свете. От других и от нее самой.

Убив его, ей пришлось бы прожить остаток вечности, так никогда и не узнав, насколько... восхитительно было бы почувствовать его во всех смыслах этого слова. Она раскаивалась бы и скорбела о нем.

Однако спасти его Оливия могла лишь ценой собственного изгнания, что означало отказ от привычного образа жизни, как и постановил Совет. Мало того что она потеряет дом и крылья, ей еще придется существовать в мире, где нечасто находится место прощению, терпение редко вознаграждается, а грубость и вовсе является образом жизни.

– Убийство Аэрона – первое для тебя задание такого рода, поэтому твое нежелание вполне понятно, Оливия. Однако нельзя позволить чувствам разрушить свою сущность. Нужно пересилить себя, иначе будешь расплачиваться вечно. Что ты выбираешь?

Это была последняя отчаянная попытка Совета спасти ее. Но Оливия вскинула голову и произнесла вслух слова, которые несколько недель кипели внутри ее и в конечном итоге привели ее сюда. Прежде чем страх заставит ее передумать.

– Я выбираю Аэрона.

– Эй, женщина?

Грубый голос вырвал Оливию из воспоминаний, голос глубже и звучнее чем у кого бы то ни было и... такой нужный ей. Оливия заморгала, и окружающий мир медленно приобрел четкие очертания. Она находится в спальне, обстановку которой знает наизусть. Просторная комната с серебристыми каменными стенами, завешанными изображениями цветов и звезд. На полу темный сверкающий паркет, застеленный мягким розовым ковром. Стоящие здесь комод с зеркалом, туалетный столик и кушетка больше подходят для спальни юной девушки.

Многие посмеялись бы над женственной обстановкой, в которой обитает этот сильный и гордый воин, но только не Оливия. Мебель просто-напросто доказывает всю силу любви Аэрона к его Легион.

Есть ли в его сердце место для кого-то еще?

Оливия перевела взгляд на Аэрона, по-прежнему стоящего у кровати, на которой она лежала, и смотревшего на нее... безучастно и разочарованно, отметила она. Разве можно его в этом винить? Она, должно быть, являет собой жалкое зрелище. Слезы на щеках высохли, отчего кожу стянуло, и она стала чувствительной. В волосах колтуны, тело перепачкано грязью.

В то время как Аэрон выглядит великолепно. Высокий, с потрясающей мускулатурой и с самыми восхитительными на свете глазами фиолетового цвета в обрамлении длинных черных ресниц. Глядя на его темные, коротко остриженные волосы, Оливия задалась вопросом, укололи бы они ее ладонь, проведи она по ним рукой?

Только вряд ли Аэрон позволит ей себя погладить.

Все его тело – и даже идеальные скульптурные черты лица – покрыто татуировками, каждая из которых изображает что-то отвратительное. Резня, удушение, поджоги, кровь – очень много крови! Все похожие на черепа лица искажены мукой. Среди этого океана насилия выделяются две особенные татуировки-бабочки: одна распростерла сапфировые крылья на ребрах, а другая – на спине воина.

Оливия заметила, что у других Владык всего по одной татуировке-бабочке, символизирующей метку демона, которым они одержимы, и частенько гадала, почему у Аэрона еще и вторая наколка? Не похоже, чтобы в его теле были заключены два демона или что-то в этом роде.

Более того, он презирает слабость. Может быть, бабочки служат напоминанием Аэрону о его безумии? Или, наоборот, все остальные татуировки, изображающие насилие, являются собой ужасные деяния, которые заставлял его совершать демон?

Оливия никак не могла понять, почему этот мужчина не вызывает у нее отвращения, как у других ангелов, почему продолжает восхищаться ее?

– Женщина, – нетерпеливо повторил Аэрон.

– Да? – с трудом прохрипела она.

– Ты меня не слушала.

– Прости.

– Кто хотел моей смерти? И почему?

– Сядь, пожалуйста, – взмолилась она вместо ответа. – У меня затекает шея от необходимости смотреть на тебя снизу вверх.

Поначалу она решила, что он и не подумает выполнять просьбу, но он удивил ее, присев на корточки. Выражение лица его немного смягчилось. Когда их глаза наконец оказались на одном уровне, Оливия заметила, что у Аэрона расширены зрачки. Странно. Обычно такое

случается, если люди счастливы. Или сердятся. Но едва ли Аэрон испытывает одну из этих эмоций.

– Так лучше? – спросил он.

– Да. Благодарю.

– Хорошо. А теперь ответь на мой вопрос.

Прирожденный командир! Впрочем, Оливия не возражала, так как чувствовала себя вознагражденной сполна. Сейчас она может, не прикладывая никаких усилий, любоваться восхитительно зловещим Аэроном и разговаривать с ним, о чем мечтала много недель.

– Высший Небесный Совет приговорил тебя к смерти, потому что ты помог демону бежать из ада.

Он нахмурился.

– Ты имеешь в виду мою Легион?

Его Легион? Поморщившись, Оливия кивнула. Прежде она никогда не испытывала боли – ни душевной, ни физической, – поэтому понятия не имела, как с ней справляться. По крайней мере, не знала, удастся ли скрыть свои переживания.

Может, и удастся. Тела людей вырабатывают адреналин и другие гормоны, которые каким-то образом притупляют чувства. Возможно, теперь, став человеком, она тоже на это способна. Она все отчетливее ощущала, что отдаляется от своего нового тела и его непонятных болей и переживаний.

– Не понимаю. Когда мы встретились, Легион уже выбралась на свободу. Я не сделал ничего, чтобы заслужить чей-то... гнев. – На последнем слове губы его плотно сжались.

– Вообще-то сделал. Без тебя она не смогла бы выбраться на поверхность, потому что была связана с подземным миром.

– И все равно не понимаю.

Внезапно веки Оливии налились тяжестью, а глаза, в которые словно песка насыпали, закрылись – хоть бы сменить тему! – но она заставила себя снова посмотреть на Аэрона.

– По большей части демоны способны покидать ад, только когда их призывают на землю. Это маленькая лазейка, о которой мы до поры до времени не знали. Как бы то ни было, когда демонов призывают, их связь с адом разрывается, и вместо этого они привязываются к тому, кто их вызвал.

– Еще раз тебе повторяю: я не призывал Легион. Она сама пришла ко мне.

– Возможно, ты действовал бессознательно, но, приняв ее как свою, именно это и сделал.

Аэрон снова и снова сжимал и разжимал кулаки – признак того, что он пытается вернуть себе самоконтроль. Возможно, он в самом деле злится.

– У нее есть полное право ходить по земле. Я сам демон и нахожусь здесь уже не одну тысячу лет. И никто меня за это не наказывает.

Что верно, то верно.

– Но твой демон заключен внутри тебя. Следовательно, ты и есть его ад. Легион же теперь свободна и может разгуливать где пожелает. Получается, у нее нет ада, что идет вразрез с небесными законами.

Оливия видела, что Аэрон намерен оспорить ее слова. Вероятно, имеет смысл разъяснить ему основы устройства ада.

– Самые сильные демоны некогда были ангелами. Затем они пали. Стали первыми падшими. Их сердца почернели и утратили все доброе и хорошее, что ранее хранили в себе. Вместо того чтобы лишиться крыльев и сил, демоны оказались обреченными на вечное страдание. Та же участь постигла и их потомков. В этом правиле не может быть исключений. Демоны должны быть привязаны к аду, не важно к какому. Тех, кто разрывает эту связь, убивают.

Радужки Аэрона запылали красным, разгораясь все ярче.

– Хочешь сказать, что раз у Легион нет ада, она должна умереть?

– Да.

– И что некогда она была ангелом?

– Нет. Попав в ад, демоны научились производить потомство, и Легион – одна из таких созданий.

– Ты собираешься наказать ее, даже зная, что она не причинила никому вреда?

– Я не хочу ее наказывать, но это все равно должно случиться.

– А теперь слушай меня. Я никому не позволю ее обидеть, – спокойным, но угрожающим голосом произнес Аэрон.

Оливия промолчала. Она не станет лгать и говорить то, что ему хочется услышать, – что они с Легион теперь в безопасности, а про их преступления на небесах уже давно забыли. В конце концов, на смену Оливии придет тот, кто сможет выполнить задание.

– Жизни в аду она не заслуживает, – прорычал Аэрон.

– Это не тебе решать.

Оливия постаралась, чтобы фраза прозвучала как можно мягче. Но, эхом повторив те самые слова, которые на Совете были обращены к ней, она ощутила во рту неприятный привкус.

Аэрон резко втянул воздух, раздувая ноздри.

– Ты же сама пала. Почему в таком случае тебя не низвергли в ад?

– Первые падшие ангелы отвернулись от Единого Истинного Бога, поэтому их сердца и почернели. Я не отворачивалась. Просто выбрала иной путь.

– Отчего тебя послали за мной только сейчас? Выходит, ты не падший ангел, а палач? Тысячи лет назад я творил вещи куда более ужасные, чем разрыв связи с адом маленькой демонессы. Мы все совершали подобное.

– Совет согласился с богами, что ты и твои собратья – единственные, кто способен носить в себе и, возможно, однажды взять под контроль сбежавших демонов. Как я уже говорила, вы их ад и тем самым сполна расплатились за свои давние преступления.

Торжество отразилось на лице Аэрона, словно он поймал собеседницу на лжи.

– Стоит мне умереть, и Ярость тут же высвободится из своего так называемого ада. И что тогда? Ты все еще собираешься меня убить?

Если бы эта лазейка еще существовала...

– Некогда нам было запрещено убивать демонов высшего порядка, к которым относится и твой Ярость. Затем они сбежали из глубин ада, вынудив нас изменить правила соответственно. Так что... я должна была уничтожить и Ярость тоже.

От этого признания выражение торжества на лице Аэрона поблекло.

– Но ты пала. Это означает, что ты не согласилась с приказом, предписывающим убить меня, моего демона и Легион.

– Не совсем так, – поправила его Оливия. – Да, я полагаю, что тебя следует помиловать. И Ярость тоже, так как он – часть тебя. Но считаю ли я, что Легион можно позволить жить в этом мире? Нет. Она представляет собой угрозу, которой ты пока не осознал, и, скорее всего, причинит немислимый вред. Я пала, потому что...

– Хотела свободы, любви и веселья, – закончил за нее Аэрон, насмешливо сказав ее собственные слова. – Почему вообще тебя выбрали для этого задания? Ты убивала прежде?

Оливия нервно сглотнула, не желая рассказывать, как события разворачивались на самом деле, но понимая, что объясниться все же придется.

– Тот, темноволосый... Рейес... он много раз бывал на небесах благодаря своей женщине, Данике. Однажды я заметила его и последовала за ним сюда, желая узнать, как устроили свою жизнь одержимые демонами воины.

– Погоди-ка. – Аэрон хмуро на нее взглянул. – Ты последовала за Рейесом?

– Да. – Разве не это она только что сказала?

– Ты следила за Рейесом. – Всем своим существом Аэрон излучал ярость.

– Да, – прошептала Оливия, поняв, в чем дело, и пожалев, что не утаила эту часть истории. Она знала, как бережно Аэрон относится к своим друзьям. Должно быть, его неприязнь к ней растет с каждой минутой. – Я не причиняла ему вреда. Я... я потом все время бродила по окрестностям. – «Следуя за тобой. Желая быть с тобой», – мысленно добавила она, а вслух сказала: – Меня выбрали, потому что я лучше всех знаю вашу повседневную жизнь.

А может, старейшины почувствовали ее растущее желание к Аэрону и решили, что если она его убьет, то избавится заодно и от этого ужасного чувства? Она часто размышляла над этим вопросом.

– Как тебе известно, у Рейеса есть женщина. – Аэрон выгнул бровь, искажая вытатуированное на лбу изображение призрачных душ – кричащих, летящих навстречу своему проклятию. – Но это вряд ли имеет значение. Я хочу знать, как ты собиралась меня убить.

Она создала бы огненный меч, как учил ее Лисандр, и отрубила бы Аэрону голову. Насколько ей было известно, это самая быстрая смерть, какую может даровать ангел. Самая быстрая и самая милосердная, потому что жертва не чувствует ни малейшей боли.

– Есть разные способы, – уклончиво ответила Оливия.

– Но ты пала и потому не можешь исполнить свою миссию, – попытожил Аэрон. Теперь его голос звучал напряженно из-за овладевшего им страха. – Вместо тебя пошлют кого-то другого, не так ли?

Наконец-то он начал понимать. Оливия согласно кивнула.

Он нахмурился и снова сердито на нее посмотрел:

– Как я уже сказал, я не позволю причинить вред Легион. Она моя, а я защищаю то, что принадлежит мне.

Оливия с томлением подумала о том, что тоже хочет принадлежать ему. Желание обожгло сильнее физической боли. В конце концов, именно из-за этого своего желания она здесь и оказалась. Уж лучше одно мгновение с Аэроном, чем целая жизнь с кем-то другим.

Конечно, ей хотелось бы получить побольше одного мгновения, но, по всей видимости, большим они не располагают. Кто-то обязательно придет ей на смену – и тогда Аэрон умрет. От этой мысли у Оливии стало тяжело на сердце, но дело именно так и обстоит. Аэрон будет беззащитен перед лицом противника, которого не сможет ни видеть, ни слышать, ни осязать. Противника, который, в свою очередь, будет обладать всеми вышеозначенными преимуществами.

Хорошо зная, как функционирует небесное правосудие, Оливия понимала, что вместо нее пошлют Лисандра. Потому что именно наставнику предстоит нести ответственность за неудачу своей подопечной.

Лисандр без колебаний нанесет смертельный удар. Он вообще никогда не сомневается. Да, он изменился с тех пор, как стал встречаться с Бьянкой, гарпией и потомком самого Люцифера. Но если и наставник откажется от убийства Аэрона, то придет его черед навсегда покинуть небеса. Этот великий ангел не откажется от своей вечности с Бьянкой, ибо она стала для него смыслом жизни.

– Благодарю за предупреждение, – сказал Аэрон и поднялся.

Если он и сказал что-то до этого, то Оливия, задумавшись, все прослушала. Что с ней такое творится? Она пришла ради него, но с момента появления здесь по большей части витает в своих мыслях.

– Пожалуйста. Но я должна попросить кое-что взамен. Я... я хотела бы остаться здесь, – выпалила она. – С тобой. Я могла бы помогать тебе с уборкой, если хочешь. – Эта идея показалась ей довольно удачной, ведь она много раз наблюдала, как Аэрон наводит порядок в крепости, ворча и жалуясь на доставшуюся ему рутинную работу.

Он наклонился, чтобы развязать ее запястья, и действовал так нежно, что она почти не почувствовала боли.

– Боюсь, это невозможно.

– Но... почему? Я никому не буду создавать проблем. Честно.

– Ты уже создала проблему.

Подбородок Оливии снова задрожал, а владевшее ею эмоциональное оцепенение быстро улетучилось. «Он все еще хочет от меня избавиться». На нее нахлынули страх, смятение и отчаяние. Она уткнулась лицом в подушку, чтобы не выдавать своих чувств перед Аэроном, ведь ее положение и без того далеко не выигрышное.

– Женщина, – прорычал он, – я же велел тебе не плакать.

– Тогда не нужно ранить мои чувства.

Слова Оливии были едва слышны из-за прижатого к губам хлопка и из-за слез.

Она услышала шелест одежды, будто Аэрон переминается с ноги на ногу.

– Ранить чувства? Да ты благодарить меня должна за то, что я тебя не убил. За последний месяц ты причинила мне множество бед. Я не имел ни малейшего понятия, кто за мной следит и почему. Моя верная подруга не могла больше оставаться со мной, и ей пришлось вернуться туда, где ей все ненавистно.

Туда, как любили говорить другие Владыки, где ей и следует быть. Хоть Аэрон так и не считает.

– Мне очень жаль.

Несмотря ни на что, Оливия говорила искренне. Очень скоро Аэрон лишится всего, чем дорожит, и никто не в силах предотвратить надвигающееся несчастье.

«Перестань об этом думать или снова расплечешься».

Аэрон вздохнул.

– Я принимаю твои извинения, но это ничего не меняет. Тебе здесь не рады.

Он простил ее? Наконец-то шаг в нужном направлении...

– Но...

– Ты пала, но по-прежнему бессмертна. Правильно? – Он не дал ей возможности ответить. В его понимании, раз одежда гостыи исцелилась, то же самое должно произойти и с самой девушкой. – К утру ты уже будешь в порядке и тогда покинешь крепость. Это приказ.

Глава 4

Аэрон уже несколько часов вышагивал по коридору, и передышки в обозримом будущем не предвиделось. Кто-то же должен охранять ангела. Не от незваных гостей, а от нее самой, на случай если ее послали сюда втереться в доверие и подслушать что-нибудь важное.

Не слишком логичное объяснение, но другого у Аэрона не находилось. Еще будучи невидимым и неуязвимым ангелом, Оливия могла услышать то, что не следовало, но сейчас она беззащитна и, попади она в лапы охотников, выдаст им знания, которыми те не пре минут воспользоваться, чтобы причинить вред его друзьям.

Аэрон сжал кулаки и усилием воли отогнал от себя мысли о пытках Оливии и смерти приятелей, прежде чем испытает неодолимое желание ударить в стену крепости. Или кого-нибудь из ее обитателей.

Кроме того, он подозревал, что как только Оливия достаточно окрепнет – а это может произойти с минуты на минуту, – то попытается улизнуть из его комнаты и отправится на поиски Легион. И хотя демонессы в крепости не было, Аэрон не мог допустить подобного развития событий. Даже несмотря на то, что Оливия теперь падший ангел и не способна причинить Легион существенный вред.

Тем не менее Оливия может поделиться своими открытиями с другим ангелом, скорое появление которого сама же и предсказала, а уж тот попытается завершить ее работу.

«Только не в мое дежурство», – подумал Аэрон.

Друзья уже все обсудили – Аэрон слышал бормотание, потом смех и удаляющиеся шаги, когда они расходились. Но он понятия не имел, к какому они пришли решению. Никто не соизволил его просветить. Собираются ли они преследовать ту странную женщину, которую он встретил на улице? Обнаружил ли Люсьен следы охотников на холме?

Аэрон твердо придерживался мнения, что Оливия не действует заодно с их врагами. Но те могли проследить за ней до самой крепости, ведь нападения исподтишка вполне в их стиле.

В самом деле, вражеская атака стала бы достойным завершением этой кошмарной ночи.

Полчаса назад Аэрон позвал Легион, желая предупредить ее о случившемся. Обычно она всегда, независимо от расстояния, слышала его и являлась на зов. Но не в этот раз. Как и Люсьен, демонесса умела перемещаться из одного места в другое силой мысли, но сегодня так и не появилась.

Что, если она ранена? Или связана? Аэрон испытывал искушение призвать Легион по всем правилам, как она его учила – хотя до объяснений Оливии не совсем понимал, что демонесса имела в виду, – так как знал, что такой зов она не сможет проигнорировать. Чем больше он раздумывал об этой возможности, тем прочнее утверждался в мысли, что ангелу – падшему или нет – следует покинуть крепость, иначе Легион так и не вернется. Аэрон вспомнил, как она начинала дрожать от страха при слове «ангел».

Конечно, Аэрон мог бы попросить Оливию умерить свое влияние на маленькую демонессу, так как это причиняет той боль. И не только ей. Незваная гостья могла навредить и его друзьям, ведь они даже не ощущали ее присутствия. Но Аэрон не стал ни о чем ее просить. Она исцеляется, и он не хотел ее тревожить.

Особенно после всего, что она для него сделала.

«Не нужно ее жалеть».

В конечном итоге он решил не призывать Легион. Пока.

С трудом верится, чтобы хрупкая Оливия могла кого-то обидеть. Даже когда находилась в полной силе – какой бы эта сила ни была. Если дело дойдет до драки, то Легион в мгновение ока вонзит в вены Оливии свои отравленные клыки.

«Моя девочка», – с нежностью подумал Аэрон, ухмыльнувшись. Но его улыбка быстро угасла. Мысль о смерти Оливии ему совсем не понравилась. Она ведь ослушалась приказа и не убила его. Вряд ли ей это вообще бы удалось, но она даже не пыталась. И Легион она вреда не причинила, хотя, возможно, и желала этого. Оливия просто хотела познать радость жизни, в которой ей явно было отказано.

Она не заслуживает смерти.

На мгновение, одно краткое мгновение, Аэрон задумался над тем, чтобы разрешить ангелу остаться. Учитывая то, как спокойно ведет себя демон Ярости в ее присутствии, не требуя наказания за преступление, которое она совершила двадцать лет назад, день или минуту назад, Оливия стала бы Аэрону прекрасной спутницей жизни. Как сказал Парис, она позаботилась бы о его желаниях.

О желаниях, которых, по его собственным словам, у него нет. Но он не мог отрицать очевидного – когда он сидел на корточках рядом с Оливией, внутри его что-то шевельнулось. Что-то жаркое и опасное. Она пахла солнцем и землей, а ее глаза, синие и ясные, как утреннее небо, смотрели на него доверчиво и с надеждой. И ему это понравилось.

«Идиот! Вообразил, что демон может обладать ангелом? Вряд ли. Кроме того, она явилась сюда, чтобы повеселиться, а ты, друг мой, настолько далек от веселья, насколько может быть мужчина».

– Аэрон!

Ну, наконец-то. Хоть какие-то новости. С облегчением выбросив мысли об Оливии из головы, Аэрон резко обернулся и увидел Торина. Тот стоял, прислонившись плечом к стене, скрестив руки на груди и хитро улыбаясь.

Достаточно одного прикосновения Торина, хранителя демона Болезни, к коже другого живого существа, чтобы несчастный скончался от чумы. Именно поэтому Торин постоянно носил перчатки, защищающие окружающих.

– Очередной Владыка Преисподней запирает женщину у себя в спальне, мучительно пытаюсь решить, что же с ней дальше делать, – насмешливо заметил Торин.

Не успел Аэрон ответить, как перед его мысленным взором начали появляться картинки. Вот Торин с решительным выражением лица заносит клинок. Затем клинок опускается... пронзает сердце жертвы... и выходит наружу, испачканный кровью.

Смертный мужчина, которого Торин заколол ножом, безжизненной массой падает на землю. Мертвый. На его запястье виднеется татуировка в виде перевернутой восьмерки – символ бесконечности и метка охотников. Он не напал на Торина, даже не пытался. Они просто пересеклись на улице, почти четыреста лет назад, когда повелитель демона Болезни покинул крепость, чтобы наконец встретиться с любимой женщиной, но, заметив клеймо на запястье мужчины, напал первым.

Для Ярости этот поступок жесток и необоснован. А значит, Торин заслуживает наказания.

Аэрон много раз видел именно этот эпизод, и всегда ему приходилось сдерживаться. Вот и сейчас случилось то же самое. Его пальцы против воли сжали рукоятку кинжала, нахлынуло мучительное желание пронзить им Торина, как тот когда-то сделал с охотником.

«Я поступил бы точно так же! – мысленно прокричал он своему демону. – Убил бы того охотника без всяких разбирательств. Так что Торин не заслуживает наказания».

Ярость зарычал.

«Спокойствие!» Аэрон разжал пальцы и опустил руку вдоль тела.

– Демон хочет на меня напасть? – будничным тоном поинтересовался Торин.

Друзья хорошо знали Аэрона.

– Да, но не волнуйся. Я контролирую ублюдка.

Ему показалось, что демон насмешливо фыркнул.

Чем больше он сдерживал Ярость, тем сильнее тот понукал его наказывать окружающих за их проступки. Наконец эта потребность захватывала Аэрона целиком, и тогда он срывался и летел в город чинить безжалостное возмездие за малейшие прегрешения всем, кто попадался под руку.

Припадки необузданной мести и стали причиной, по которой Аэрон покрыл свое тело татуировками. Будучи бессмертным, который необычайно быстро исцеляется, ему пришлось подмешать в чернила экстракт амброзии, чтобы изображения не сходили с кожи. Процедура оказалась весьма болезненной, будто бы он впрыскивал себе в вены жидкий огонь. Сожалел ли он об этом? Черт подери, нет. Всякий раз, глядя на себя в зеркало, Аэрон вспоминал о своих страшных деяниях и понимал, что если не поостережется, то это может повториться.

Кроме этого, татуировки служили напоминанием о людях, которых он незаслуженно лишил жизни. Иногда это облегчало Аэрону тяжесть вины. А иногда помогало приглушать неумеренную гордость силой своего демона.

– Уверен, что контролируешь его?

– Что? – спросил Аэрон, очнувшись от своих мыслей.

Торин снова усмехнулся.

– Я спросил, уверен ли ты, что контролируешь своего демона? Ты часто моргаешь, а твои глаза светятся красным.

– Я в порядке.

В отличие от Оливии его голос звучал неискренне. В нем явно слышалась фальшь.

– Я тебе верю. Честно. Итак... вернемся к нашему разговору? – спросил Торин.

О чем они говорили, когда он отвлекся? Ах да.

– Ты, без сомнения, явился сюда вовсе не затем, чтобы сравнивать меня с теми нашими друзьями, кто обрел вторые половинки. Я едва ли похож на влюбленных идиотов, в которых они превратились, стоило им привести в крепость женщин.

– И этой фразой ты мне целых три шутки испортил. Эх, с тобой не повеселишься.

О том же подумал и Аэрон, когда Оливия упомянула про три своих желания. По непонятной причине подтверждение догадки его расстроило.

– Торин, ближе к делу, пожалуйста.

– Хорошо. Твой ангел уже создал проблему. Некоторые из нас хотят от нее избавиться, другие – оставить здесь. Я поддерживаю вторую команду и считаю, что стоит привлечь ее на свою сторону, прежде чем из-за тебя она нас всех возненавидит и начнет помогать нашим врагам.

– Держись от нее подальше.

Аэрону не хотелось и близко подпускать Торина к Оливии. Благодаря своим белокурым волосам, черным бровям и зеленым насмешливым глазам этому красавчику даже не нужно было прикасаться к женщине, чтобы завоевать ее.

Торин закатил глаза.

– Болван! Тебе следовало бы благодарить меня, а не угрожать. Я как раз и пришел сказать, чтобы ты ее спрятал. Потому что Уильям тоже выступает за то, чтобы она осталась, так как планирует сам заняться ее оболещением.

Уильям. Бессмертный, помешанный на сексе. Черные волосы и голубые глаза, еще более порочные, чем у Торина. Высокий, мускулистый и необузданный воин, скрывающий под одеждой совершенно особые татуировки: крест над сердцем и карта сокровищ на спине, если память Аэрону не изменяет. Карта сокровищ тянется вдоль ребер, спускаясь ниже поясицы прямоком к «зоне развлечений».

По словам смертных женщин, Уильям – настоящий силач и любитель поразвлечься.

Оливии он, пожалуй, понравился бы.

Аэруну вдруг захотелось впечатать Уильяма в стену, чтобы подпортить его смазливую мордашку. Раньше у него никогда не возникало такого желания, хотя Ярость настойчиво требовал наказать бессмертного, разбив его сердце на сотни кусочков так же, как он поступил с сотнями женщин. Правда, Ярость хотел, чтобы Аэрон вершил правосудие с помощью кинжала.

Он всегда сопротивлялся желаниям своего демона, потому что ему нравился Уильям, который, хоть и не являлся настоящим Владыкой, в бою никогда не подводил. И не останавливался даже перед убийством.

«В отсутствие Легион тебя так и тянет подраться, вот и все». Да уж. Он явно балансирует на грани.

– Спасибо, Торин, что предупредил насчет Уильяма, – сказал Аэрон, стараясь, чтобы голос его прозвучал насмешливо. – Едва ли Оливия задержится здесь надолго, так что никто не успеет ее очаровать.

– Уильям, несомненно, ответил бы тебе, что ему хватит и нескольких секунд.

«Не реагируй». Хотя, окажись сейчас Уильям поблизости, Аэрон с удовольствием «случайно» потерял бы контроль над демоном Ярости, позволив ему наконец добраться до бессмертного.

Ярость одобрительно заурчал.

– И вот еще что, – добавил Торин, вновь привлекая его внимание. – Раз уж мы заговорили о помешанных на сексе, то Парис просил передать тебе, что сегодня Люсьен телепортирует его в город на поиски женщины. И оставит там до утра.

– Хорошо.

Оставалось надеяться, что захлестнувшее Аэрона чувство облегчения не имеет ничего общего с тем фактом, что Парис будет находиться далеко от Оливии.

– Люсьен обнаружил какие-нибудь следы охотников, пока был там?

– Не-а. Ни на холме, ни в Буде.

– Хорошо, – повторил Аэрон, снова принявшись расхаживать по коридору из угла в угол. – А как насчет темноволосой женщины?

– Ничего, но Парис пообещал продолжить ее поиски. Как только восстановит силы, разумеется. Кстати, об утрате сил. Парис упомянул, что ангел ранен. Хочешь, я попрошу кого-нибудь привести доктора?

На их языке «привести» означало «похитить».

– Нет. Она сама исцелится.

Некоторое время назад Владыки пытались заручиться услугами постоянного доктора, но тщетно. Теперь из-за беременности Эшлин вопрос встал крайне остро. Никто не знал, кем будет ребенок – смертным или демоном, – поэтому врача следовало выбирать крайне осторожно.

Охотники, как недавно выяснилось, годами скрещивали смертных и бессмертных, выводя расу детей-полукровок в надежде создать непобедимую армию. Ребенок демона Насилия стал бы ценным призом, который мечтает заполучить любой охотник. А ненадежный доктор с легкостью передаст секреты Владык их врагам.

Торин сочувственно покачал головой, словно Аэрон слишком глуп, чтобы мыслить здраво.

– Ты уверен, что она сама исцелится? Ее же вышвырнули с небес.

– Нас тоже вышвырнули с небес, но мы выздоравливаем так же быстро, как и прежде. Даже можем отрастить новые конечности.

Чем сейчас и занимается Гидеон, одержимый демоном Лжи. Во время последней стычки с охотниками воина поймали и жестоко пытали, чтобы выудить информацию, которую, впрочем, он так и не раскрыл. В отместку охотники отсекали ему обе руки.

Гидеон все еще прикован к постели, постепенно становясь для всех большой занозой в заднице.

– Интересная мысль, – сказал Торин.

В этот момент из спальни Аэрона раздался женский крик.

Аэрон замер на месте, а Торин оттолкнулся от стены и выпрямился. Когда крик раздался снова, оба уже бежали к комнате, хотя Торин значительно отставал. Рывком распахнув дверь, Аэрон первым ворвался в спальню.

Оливия по-прежнему лежала на животе, но теперь металась по кровати. Ее веки были смежены, а под глазами, помимо отбрасываемых ресницами теней, появились синяки. Спутанные темные волосы рассыпались по плечам.

Ее платье, очевидно, само себя вычистило, и следы крови почти исчезли. Однако на том месте, где могли бы начать расти крылья, появились два новых ярко-красных пятна.

Оливию терзали демоны.

Она чувствовала, как их клыки впиваются в кожу, жалят, рвут тело на части. Ощущала покрывавшую их чешуйчатые тела липкую слизь и обжигающее смрадное дыхание. Слышала ликующий смех, от которого ее мутило.

– Смотри-ка, что я нашел, – захихикал один.

– Красивый ангелочек свалился прямо к нам в руки, – фыркнул другой.

В воздухе витали хлопья серы и трухи, а ноздри, когда Оливия попыталась вдохнуть, наполнило зловоние. Ее только что низвергли с небес. Облака расступились у нее под ногами, и она полетела вниз... вниз, в неизвестность, отчаянно молотя руками и ногами, пытаясь за что-то зацепиться, как-то замедлить падение... Потом наконец увидела землю, но и та разверзлась, и адское пламя поглотило ее целиком.

– Это ангел-воитель. У нее золотые крылья.

– Уже нет.

Ее потянули за крылья с удвоенной жестокостью. Оливия пиналась, билась и даже кусалась, пытаясь вырваться, чтобы убежать и спрятаться, но ее усилия пропали даром – демонов было слишком много, да и неровная каменистая местность была ей незнакома, так что вряд ли она сумела бы скрыться. Сухожилия крыльев начали рваться, и обжигающая боль охватила все ее существо, поглощая сознание, пока в голове не осталась одна-единственная мысль: лучше умереть, только бы эти пытки прекратились.

«Пожалуйста. Дайте мне умереть».

Перед глазами закружились звезды, и это было единственное, что она еще могла видеть. Все остальное погрузилось во тьму. Тьма – это хорошо, это желанно! Но вокруг по-прежнему звучал смех, и ее продолжали тянуть за крылья. У Оливии закружилась голова, желудок скрутила тошнота.

Почему она не умерла? Затем одно из крыльев отделилось от тела, и Оливия закричала от сильнейшей боли, переросшей в настоящую агонию. Даже смерть не прекратит этих страданий, и они будут преследовать Оливию и в загробной жизни.

За первым быстро последовало второе крыло, и она все кричала, кричала и кричала. Клыки разрывали ее одежду, сильнее повреждая кожу, впиваясь в свежие раны на спине. Наконец ее вырвало райскими фруктами, которые она ела этим утром.

– Теперь ты уже не такая миленькая, как раньше, а, воительница?

Чьи-то руки стиснули ее, касаясь там, где никто прежде не касался. Слезы катились по ее щекам, пока она, беспомощная, лежала на земле. Вот и все. Теперь она точно умрет. Наконец-то. Потом сквозь окружающее ее море тьмы пробилась мысль: она отказалась от своей прекрасной жизни только для того, чтобы умереть в аду, так и не узнав настоящей радости и не побывав в объятиях Аэрона. Нет. Нет!

«Ты сильная. Борись же!» Да. Да! Она сильная. Она будет бороться. Она будет...

– Оливия!

Хорошо знакомый суровый голос проник в сознание, мгновенно вытеснив ненавистные воспоминания, боль и скорбь. Оставив лишь решимость.

– Оливия, проснись!

С некоторым облегчением она осознала, что это всего-навсего кошмарный сон. Людям довольно часто снятся страшные сны. Но нет, этот кошмар – не просто видение, а напоминание о времени, проведенном в аду.

Оливия поняла, что все еще мечется по кровати. Спина горит огнем, покрытое синяками тело болит, мышцы сводит судорогой. Она с трудом разлепила веки, заставляя себя успокоиться. Она задыхается, вжатая в матрас грудь быстро поднимается и падает, а воздух обжигает ноздри и горло, будто туда попадает кислота. От струящегося по коже пота платье намокло и прилипло к телу. Благословенное оцепенение, ощущаемое ею раньше, полностью исчезло, и теперь чувства обострились до предела.

Смерть, пожалуй, стала бы лучшим выходом.

Аэрон снова сидит возле кровати на корточках и смотрит на нее. Еще один мужчина – Оливия вспомнила, что его зовут Торин, – стоит позади Аэрона и смотрит на нее безумными зелеными глазами.

«Демон», – подумала Оливия. Торин демон. Как и те, кто вырвал ей крылья. Кто дотрагивался до ее тела и мучил ее.

Пронзительный крик вырвался из ее больного горла. Ей нужен Аэрон, только Аэрон, потому что остальным она не доверяет. Не хочет, чтобы кто-то другой видел ее сейчас. Особенно демон. То, что сам Аэрон одержим демоном Ярости, ничего не меняет. Для нее он остается просто Аэроном. Но все, о чем Оливия сейчас могла думать, глядя на Торина, – это чешуйчатые лапы, щиплющие ее соски и проникающие между ног. Страшно представить, что натворили бы эти лапы, не начни она сопротивляться.

Сопровивляться! Вот именно! Оливия попыталась пнуть Торина, но проклятая нога бесильно упала на кровать – мышцы слишком напряжены и отказываются нормально функционировать. Она совершенно беспомощна. Опять. Всклип смешался с криком, горло сдавило, и Оливия попыталась встать с кровати и броситься в объятия Аэрону, но слабое тело по-прежнему отказывалось повиноваться.

– Пусть он уйдет, пусть уйдет, пусть уйдет, – снова и снова выкрикивала она, зарывшись лицом в подушку. Ей было больно даже смотреть на второго Владыку. Она сразу поняла, кто он, но не знала его так хорошо, как Аэрона. И не хотела его, как Аэрона.

Аэрона, который может помочь ей, как каждую ночь помогает своему другу Парису. Аэрона, который может защитить ее, как защищал свою маленькую Легион. Аэрона, который одним своим свирепым видом отпугнул ее ночные кошмары.

Сильные руки легли ей на плечи и удерживали, не давая снова начать метаться по постели.

– Ш-ш-ш, тише. Тише. Успокойся, а то поранишься еще больше.

– Что происходит? – спросил Торин. – Могу я чем-нибудь помочь?

Нет. Нет-нет-нет. Демон все еще здесь.

– Пусть он уйдет! Заставь его уйти. Сейчас же! Немедленно!

– Я не причиню тебе вреда, ангел, – мягко сказал Торин. – Я здесь, чтобы...

Клокочущая внутри Оливии истерика грозила вот-вот вырваться на свободу, целиком поглотить ее разум.

– Пусть он уйдет! Пожалуйста, Аэрон, пусть он уйдет! Пожалуйста!

Низкий рык вырвался из горла Аэрона.

– Проклятье, Торин, выметайся отсюда к чертям собачьим. Она не успокоится, пока ты здесь.

Послышался тяжелый вздох, в котором звучала печаль, затем, слава богу, раздался звук удаляющихся шагов.

– Постой, – окликнул Торина Аэрон, и Оливии снова захотелось закричать. – Телепортировался ли Люсьен на днях в Штаты, как планировал, чтобы купить тайленол для женщин?

– Насколько мне известно, да, – ответил Торин.

«Они еще и беседуют? Сейчас?»

– Пусть он уйдет! – завопила Оливия.

– Принеси мне несколько таблеток! – проревел Аэрон, перекрикивая ее.

Дверь со скрипом отворилась. Наконец-то демон уходит – но он вернется с человеческим лекарством. Оливия захныкала. Она не в состоянии пережить это еще раз. Она и так едва не умерла от страха.

– Просто забрось пузырек в комнату, – добавил Аэрон, будто прочтя ее мысли.

«Благодарю тебя, милостивый Бог на небесах». Дверь со щелчком закрылась, и Оливия с облегчением откинулась на матрас.

– Он ушел, – мягко сказал Аэрон. – Теперь здесь только ты и я.

Она так сильно дрожала, что кровать под ней тряслась.

– Не покидай меня. Пожалуйста, только не покидай меня.

Своей мольбой Оливия лишней раз показывала, насколько слаба, но ей было все равно. Она нуждается в Аэроне.

Он пригладил влажную от пота прядь волос у нее на виске. Его прикосновение оказалось таким же мягким, как и голос. Аэрон, которого она знает, не стал бы говорить с ней так ласково и дотрагиваться до нее с такой нежностью. В эту перемену почти невозможно поверить. Почему же он изменился? Почему обращается с ней так же, как со своими друзьями, хотя она, по сути, для него чужая?

– Раньше ты просила, чтобы я тебя обнял, – сказал он. – Ты по-прежнему этого хочешь?

– Да.

О да. Не важно, в чем причина подобной смены настроения. Сейчас он здесь и собирается дать ей то, о чем она так долго мечтала.

Медленно и осторожно, стараясь не толкнуть, Аэрон сел на постель, а потом лег рядом. Оливия пододвинулась к нему так, чтобы положить голову на его сильное горячее плечо. Это движение причинило ей боль и отняло последние силы, но быть рядом с ним и наконец коснуться его... оно того стоило. Ведь именно за этим она сюда и пришла.

Аэрон положил руку ей на поясницу, стараясь не задеть раны на спине.

– Почему ты не исцеляешься, Оливия? – спросил он, касаясь теплым дыханием ее лба.

Ей нравилось, как Аэрон произносит ее имя, – и как молитву, и как мольбу одновременно.

– Я же тебе сказала, меня изгнали с небес. Теперь я полностью человек.

– Полностью человек, – повторил он, напрягшись. – Нет, такого ты мне не говорила. Я бы тогда принес тебе лекарство гораздо раньше.

В голосе его звучала вина. Вина и страх. Оливия не поняла, что его испугало, но была слишком измотана, чтобы спрашивать. А затем и вовсе забыла об этом, когда в центре комнаты засиял янтарный свет, разрастаясь, становясь все больше... и больше... сверкая так ярко, что ей пришлось зажмуриться.

Из сияния материализовалась фигура крупного мускулистого мужчины в белом одеянии, очень похожем на ее собственное. Затем стали видны светлые волосы, ниспадающие на могучие плечи. При виде глаз цвета жидкого оникса и бледной кожи Оливия ощутила легкий укол вины. Последними появились сверкающие крылья из чистого золота.

Оливия хотела приветственно помахать рукой, но смогла лишь слабо улыбнуться. Милый Лисандр все же пришел утешить ее, пусть и в воображении.

– Я снова вижу сон. Но этот мне нравится.

– Ш-ш-ш, тише, – прошептал ей Аэрон, – я здесь.

– И я тоже. – Лисандр окинул комнату взглядом, и его губы скривились от отвращения. – К сожалению, это не сон. – Он, как всегда, говорил правду, и его голос звучал так же уверенно, как когда-то и у самой Оливии.

Неужели это происходит наяву?

– Я же теперь человек и не должна тебя видеть.

В действительности то, что она его сейчас видит, идет вразрез с правилами. Если только Бог не решил ее вознаградить. Но это маловероятно, принимая во внимание то, что она отвергла свое наследие.

Лисандр смотрел ей в глаза – так пронзительно, будто заглядывал прямо в душу.

– Я подал прошение Совету от твоего имени. Они согласились дать тебе еще один шанс. Так что часть тебя по-прежнему ангельская и останется таковой на протяжении следующих четырнадцати дней. В течение этого срока ты имеешь право передумать и вернуться на свое законное место.

Шок поразил ее, точно удар молнии, обжигающий и испепеляющий.

– Я не понимаю. – Еще ни один падший ангел не удостоивался второго шанса.

– Нечего тут понимать, – сказал Аэрон, все еще пытаясь успокоить ее. – Я с тобой.

– Я ведь один из Семерых Избранных, Оливия. Поэтому, когда я попросил для тебя четырнадцать дней, тебе их дали. Это время ты можешь провести здесь... насладиться жизнью. А потом нужно вернуться назад. – В голосе Лисандра звучала обида на ученицу за то, что она не догадалась о полагающихся его статусу привилегиях.

Она уловила также и нотки надежды, опечалившие ее. Выбрав Аэрона, она сожалела лишь о том, что причинила боль Лисандру, этому удивительному воителю. Ведь он любит ее и желает ей только добра.

– Мне жаль, но я не передумаю.

Такой ответ ошеломил Лисандра.

– Даже когда этого бессмертного у тебя отнимут?

Оливия едва сдержалась, чтобы не заплакать от страха. «Я не готова потерять его». Но она так слаба, что ничем не может помочь Аэрому, и знает об этом.

– Потому ты...

– Нет-нет, успокойся. Я пришел сюда не для того, чтобы его убить. – Он не сказал «пока», но это подразумевалось само собой. – Если ты решишь остаться, то нового палача выберут по истечении отведенных тебе четырнадцати дней.

Что ж, значит, она проведет с Аэроном две недели. Не больше и не меньше. Этого должно быть достаточно, чтобы запастись воспоминаниями на всю оставшуюся жизнь. Если, конечно, удастся убедить Аэрона оставить ее в крепости. Он ведь такой упрямый...

Оливия вздохнула.

– Спасибо, – сказала она Лисандру. – За все. Ты не обязан был это делать для меня.

Наверняка за подобную уступку ему пришлось яростно повоевать с Советом, хоть он и один из Семерых Избранных. Однако он добился своего, подарив Оливии возможность насладиться столь желанными радостями обычной жизни и страстью, прежде чем она снова займет свое место в раю. Она не стала говорить Лисандру, что не вернется ни при каком исходе.

Вернись она через четырнадцать дней, ей опять поручат убить Аэрона, и она, как и прежде, не сможет это сделать.

– Я люблю тебя. Надеюсь, ты это знаешь. И не важно, что будет дальше.

– Оливия, – произнес явно сбитый с толку Аэрон.

– Он не может ни видеть, ни слышать, ни чувствовать меня, – пояснил Лисандр. – Сейчас он понял, что ты говоришь не с ним, и думает, будто у тебя галлюцинации от боли. – Наставник шагнул к кровати. – Должен тебе напомнить, Лив, что этот мужчина – демон. И олицетворяет собой все то, против чего мы боремся.

– Как и твоя женщина.

Лисандр расправил широкие плечи и вздернул подбородок. Упрямый воитель ее Лисандр. Как и Аэрон.

– Бьянка не нарушала наших законов.

– Даже если бы и так, ты все равно захотел бы остаться с ней. Ты нашел бы способ, как это сделать.

– Оливия? – повторил Аэрон.

Лисандр не обратил на него внимания.

– Почему ты предпочитаешь смертную жизнь с ним, Оливия? Ради нескольких минут в его объятиях? Это принесет тебе лишь страдания и разочарование.

И снова в его словах прозвучала непреложная истина. Ложь в их мире не допускается. «Теперь это только его мир», – печально подумала она. Тем не менее ей не хотелось верить Лисандру. Здесь она может делать то, чего так отчаянно желала. Она не только получила возможность жить, как смертные, но и чувствовать так же, как они.

Дверь спальни открылась, спасая ее от необходимости отвечать, в комнату влетел маленький пластиковый пузырек и приземлился на пол рядом с обутыми в сандалии ногами Лисандра.

– Вот лекарство! – крикнул Торин и захлопнул дверь, прежде чем Оливия успела снова раскричаться.

Аэрон хотел было подняться, но Оливия навалилась на него всем весом, удерживая на месте.

– Нет, – проговорила она, морщась от очередной вспышки боли. – Остайся.

Он мог бы оттолкнуть ее, но не стал.

– Мне нужно взять таблетки. Они облегчат твою боль.

– Позже, – сказала она.

Теперь, узнав нежность прикосновений Аэрона, тепло его тела, успокаивающие объятия, Оливия не хотела разлучаться с ним. Даже на миг.

Сначала ей показалось, что он проигнорирует ее просьбу, но спустя мгновение он расслабился и обнял ее крепче. Оливия довольно вздохнула и снова посмотрела в жесткие глаза Лисандра. Он хмурился.

– Вот почему, – обратилась она к нему.

Ангелы друг друга не обнимают. Наверняка могли бы, если б захотели, но никогда так не делают. Зачем бы им это понадобилось? Они ведь считают друг друга братьями и сестрами, и физическому желанию в этих отношениях нет места.

– Что «вот почему»? – спросил Аэрон, по-прежнему сбитый с толку.

– Вот почему ты мне нравишься, – честно ответила она.

Он напрягся, но промолчал.

Прищурившись, Лисандр плавным движением расправил крылья, и их золото засверкало в лунном свете. Одно перо упало на пол.

– Поправляйся, милая, а потом я вернусь. Тебе здесь не место. Со временем ты это тоже почувствуешь.

Глава 5

В первую ночь своего пребывания в крепости Оливия уснула, едва закончив странный разговор с самой собой. Она стонала и вздыхала, мучаясь от боли, и металась по кровати, отчего разбередила свои раны еще сильнее. А на вторую ночь опять стала бормотать о демонах.

– Не трогай меня, ты, вонючая тварь. – Рыдание, всхлип. – Пожалуйста, не трогай меня.

На третью ночь воцарилось зловещее молчание.

Аэрон предпочел бы мольбы.

Все это время он находился рядом – вытирал ей пот со лба, поил водой с толчеными таблетками и даже прочитал вслух один из любовных романов Париса, хотя Оливия никак не отреагировала. Ему вовсе не хотелось, чтобы ее смерть была на его совести.

Более того, Аэрон желал, чтобы она исчезла из его жизни, и не важно, как сильно его тело реагирует на ее близость. Или на мысли о ней. Он не лгал, говоря, что, как только выздоровеет, она должна будет уйти. Именно из-за реакции его тела.

Хуже того, из-за реакции его демона. Не на нее, а из-за нее.

«Накажи, – кажется, в сотый уже раз настаивал демон. – Накажи тех, кто ее мучил».

Когда на Аэрона наложили проклятие жажды крови, демон разговаривал с ним односложными командами и то и дело проецировал в его сознание сцены насилия. Однако последние три дня Ярость вдруг полюбил общаться длинными предложениями, к которым Аэрон еще не привык. Куда девался покой, вызванный появлением Оливии?

Вдобавок Аэрон не был уверен, через что ей пришлось пройти, когда ее вышвырнули с небес, и пока не позволял себе это выяснять, ведь тогда вряд ли сумеет удержать своего демона от возмездия. Он и сейчас-то с трудом его контролирует. А если узнает правду, то, возможно, и не захочет останавливать. Если он когда-нибудь и будет наслаждаться тем, что творит Ярость, то...

«Не нужно так думать». Аэрон не хотел вести себя с Оливией мягче, чем сейчас, как не желал, чтобы она еще глубже проникла в его мысли и решения. В его жизни и без того хватает сложностей. Своим появлением она лишь добавила новых.

Оливия хочет веселиться, а Аэрон даже значения этого слова не знает и не собирается тратить время на выяснение. И сожалений из-за этого не испытывает. Честно.

Она хочет любви, но Аэрон для этой цели совершенно не подходит. Романтическую любовь он точно никому предложить не может. Особенно хрупкому созданию вроде Оливии. И об этом тоже не сожалеет. Честно.

Она хочет свободы. Вот это Аэрону по силам ей предоставить. В городе. Если только она наконец поправится, черт ее дери!

Она обязательно поправится, в противном случае, боги свидетели, Аэрон все-таки спустит своего демона с поводка, причем сделает это охотно и без колебаний.

«Накажи. Накажи тех, кто мучил ее».

Почему демону Ярости так нравится Оливия? Она ведь ему нравится, в том не может быть сомнений. Больше ничем нельзя объяснить его желание атаковать существ, которых ни сам Аэрон, ни его демон лично никогда не встречали. Он много размышлял над этим, но так и не пришел ни к какому заключению.

Аэрон потер рукой лицо. Из-за его отказа покинуть Оливию Люсьену по-прежнему приходится заботиться о Парисе и следить, чтобы тот должным образом кормил своего демона. А Торин, в свою очередь, следит за тем, чтобы есть не забывал Аэрон, – по нескольку раз в день приносит подносы с едой, но ни разу не задержался в комнате, чтобы поговорить. Если Оливия проснется и увидит одержимого демоном Болезни... Аэрон совсем не хотел повторения ее предыдущей истерики.

К несчастью, женщины в крепости узнали о появлении ангела и всей толпой явились повидать Оливию. Но Аэрон ни одну из них даже на порог не пустил. Неизвестно, как Оливия отреагировала бы на их присутствие. Кроме того, ни одна из них все равно не знает, как помочь ангелу. Аэрон спрашивал. Ладно, ладно. Не спрашивал – прорычал.

Хотя, пожалуй, он согласился бы выдержать приступы паники Оливии, если бы в результате она пришла в сознание. Какого дьявола она не просыпается? Такая неподвижная... Очень осторожно, чтобы не толкнуть Оливию, Аэрон перекатился на свою половину кровати и посмотрел на нее. Впервые она не прильнула к нему, а осталась лежать в той же позе, что и раньше. Ее кожа стала бледной, почти прозрачной, сквозь нее отчетливо проступали вены. Волосы спутались в птичье гнездо вокруг головы, щеки ввалились, а кровь запеклась на искушенных губах.

Даже в таком виде она оставалась невероятно красивой. Истинное совершенство, пусть и в духе «защищай меня вечно». При взгляде на Оливию у Аэрона защемило в груди. Не из-за чувства вины, но из-за собственнического, пробирающего до костей желания стать ее защитником.

Оливия должна выздороветь, а ему следует от нее избавиться. Как можно скорее.

– Если так пойдет дальше, то она скоро умрет, – прорычал он, глядя в потолок, не уверенный, говорит ли с ее Единым Богом или же с богами, которых знал сам. – Ты этого хочешь? Чтобы один из твоих ангелов пережил невообразимые мучения, прежде чем погибнуть? Ты ведь можешь спасти ее.

«Посмотри на себя, – с отвращением подумал Аэрон. – Умоляешь о жизни так, как не делал ни один смертный».

Но даже эта мысль его не остановила.

– Почему ты не спасешь ее?

Тут до его слуха долетел призрачный намек на... рычание? Аэрон напрягся и потянулся к столику за кинжалом, внимательно осматривая взглядом комнату. Кроме них с Оливией здесь больше никого нет. Никакое божество не явилось, чтобы покарать его за неучтивый тон.

Постепенно Аэрон расслабился, решив, что начал сказываться недосып.

Давно наступила ночь, и сквозь застекленные балконные двери в спальню лился свет луны. Вид был таким умиротворяющим, а Аэрон так устал, что едва не провалился в сон. Но удержался. Нельзя сейчас спать.

Что он будет делать, если Оливия умрет? Станет ли оплакивать ее, как Парис свою Сиенну? Разумеется, нет. Аэрон ведь совсем не знает Оливию. Скорее всего, он почувствовал бы вину. Безбрежный океан вины. Ведь она спасла его, а он не смог ответить ей тем же.

«Ты ее не заслуживаешь», – прошелестел в его голове голос, и Аэрон заморгал. Это говорит не Ярость – тембр слишком низкий, резкий и, как ни странно, знакомый. Неужели Сабин, одержимый демоном Сомнения, вернулся из Рима и теперь, как обычно неумышленно, пытается пошатнуть его уверенность в себе?

– Сабин! – рявкнул Аэрон на всякий случай.

Нет ответа.

«Она слишком хороша для тебя».

На этот раз Ярость, внезапно оживившись, заметался у него в голове, ударяясь о стенки черепа.

Значит, это не Сабин. Во-первых, Аэрон не слышал о возвращении друга, а во-вторых, знал, что того и не должно быть еще несколько недель. Вдобавок в этих фразах не звучало ликования, а демон Сабина испытывал невероятную радость, распространяя свой яд.

Кто же это сказал? Кто обладает властью мысленно говорить с ним?

– Кто здесь? – требовательно спросил Аэрон.

«Это не важно. Я пришел, чтобы исцелить ее».

Исцелить ее? Аэрон немного расслабился. Этот голос исполнен правды, как и у Оливии. Может, это ангел?

– Спасибо.

«Оставь свою благодарность при себе, демон».

Разве может ангел говорить с такой злостью? Скорее всего, нет. Или некий бог ответил на его мольбы? Аэрон счел и это предположение маловероятным. Богам нравится являться во всем блеске своего великолепия. Они не упустили бы возможности показаться и потребовать благодарности. А будь это Бог Оливии, воздух как минимум вибрировал бы от исходящей от него силы. Вместо этого... пустота. Аэрон ничего не чувствует и не ощущает.

«Я от всей души надеюсь, что, проснувшись, она поймет, что ты на самом деле собой представляешь».

Так как говоривший был уверен, что Оливия проснется, Аэрон не обратил внимания на завуалированное оскорбление, столь велико оказалось нахлынувшее на него облегчение.

– И что же я собой представляю?

Не то чтобы мнение невидимки волновало Аэрона, но по ответу он мог догадаться, с кем разговаривает.

«Ничтожный, порочный, злобный, глупый, упертый, безнравственный, недостойный и обреченный».

– На самом деле ты так не думаешь, – сухо ответил Аэрон, надеясь сарказмом отвлечь внимание собеседника, и тем временем медленно прикрыл Оливию своим телом, словно щитом.

Злобный и порочный – это качества, приписываемые Владыкам охотниками. Но эти напали бы на Аэрона, не потрудившись предложить помощь. Даже своей наживке.

Он снова задался вопросом, может ли посетитель, несмотря на злость и явную ненависть, оказаться ангелом?

В голове его снова эхом разнеслось рычание.

«Твоя дерзость лишь доказывает мою правоту. Я позволю Оливии узнать тебя, как она и хотела, так как рассчитываю, что ей не понравится то, что она выяснит. Только... не обесчести ее. Если посмеешь это сделать, я похороню тебя и всех, кто тебе дорог».

– Я бы никогда не...

«Тихо. Она сейчас проснется».

Словно в доказательство этих слов Оливия застонала. Аэрона охватило невероятное, необъяснимое облегчение. Слишком сильное для того, кто утверждал, что знать не знает гостью и не собирается ее оплакивать. В одном он не сомневался: кем бы ни был его собеседник, он действительно наделен немалой властью, раз так быстро вырвал Оливию из когтей смертельного сна.

– Спасибо, – снова сказал Аэрон. – Она страдала незаслуженно и...

«Я же велел тебе молчать! Если осмелишься потревожить ее во время исцеления, демон... Вообще-то я уже достаточно натерпелся от тебя для одного вечера. Самое время тебе поспать».

Как бы Аэрон ни сопротивлялся этому приказу, тело его обмякло на кровати в нескольких дюймах от Оливии. Глаза закрылись, навалилась сонливость, утянувшая его, брыкающегося и кричащего, во тьму, которой он прежде обрадовался бы. Тем не менее тьма не помешала ему обнять Оливию и привлечь к себе.

Ее место рядом с ним.

Будучи не в силах разлепить тяжелые веки, Оливия вытянула руки над головой и выгнула спину, чувствуя, как напряжение покидает мышцы. «Как же хорошо!» Улыбнувшись, она глу-

боко вздохнула и ощутила аромат экзотических специй и запретных фантазий. Прежде ее облако никогда не пахло так... сексуально. И не было таким почти до неприличия теплым.

Ей хотелось лежать так целую вечность, но ангелам лень несвойственна. Оливия решила навестить Лисандра. Если только он не на секретном задании, как часто бывало, или не заперся со своей Бьянкой. Потом она полетит в расположенную в Будапеште крепость. Интересно, чем сегодня займется Аэрон? Очарует ли ее в очередной раз своей противоречивостью? Почувствует ли снова ее присутствие, хотя, по идее, не должен, потребует ли от нее явить себя, горя желанием убить?

Эти угрозы всегда ранили чувства Оливии, но она не винила Аэрона за злость. Он ведь не знает, кто она и каковы ее намерения. «Хочу, чтобы он узнал меня». Ее считают очень привлекательной и милой. Ну, по крайней мере, другие ангелы. Оливия представления не имела, что подумает о ее облике одержимый демоном бессмертный воин – ее полная противоположность.

Вот только Аэрон вовсе не казался ей демоном. Никким образом. Он называет Легион «драгоценной малышкой», покупает ей диадемы и украшает свою спальню в соответствии с ее вкусом. Даже попросил друга и собрата Мэддокса смастерить для нее кушетку. Ту самую, с розовым кружевным покрывалом, что стоит рядом с его кроватью.

Оливия мечтала, чтобы в его комнате появилась кушетка с кружевным покрывалом и для нее.

«Зависть тебе не к лицу, – напомнила она себе. – Может, у тебя и нет такой кушетки, зато ты подарила смех и радость бесчисленному количеству людей, научила их любить жизнь». Да, Оливия испытывала от этого огромное удовлетворение. Но... теперь ей хочется большего. Возможно, она всегда хотела большего, просто не осознавала этого до своего «продвижения по службе».

«Какая же я жадная», – подумала она со вздохом.

Твердый как камень, но при этом гладкий матрас под ней пошевелился и застонал.

Подождите-ка. Твердый как камень? Пошевелился? Застонал? Мгновенно очнувшись, Оливия распахнула глаза. Увиденное – точнее, не увиденное – заставило ее резко сесть. Вокруг не было ни голубоватой дымки от поднимающегося солнца, ни мягких пушистых облаков. Вместо этого ее взору предстала спальня с неровными каменными стенами, деревянным полом и полированной мебелью вишневого дерева.

И кушеткой с розовым кружевным покрывалом.

Осознание произошедшего обрушилось на Оливию. «Пала. Я пала». Она провалилась в ад, и демоны... «Не думай о них!» От малейшего воспоминания о своих мучителях ее начинала бить дрожь. «Теперь я с Аэроном. Я в безопасности». Но если она действительно смертная, почему ее тело кажется таким... здоровым?

Пришло новое осознание – потому что в действительности она не человек.

Пройдет четырнадцать дней, вспомнились ей слова Лисандра, прежде чем она утратит свои ангельские черты. Означает ли это... Могли ли ее крылья...

Закусив губу, страхась надеяться, Оливия завела руку назад и коснулась спины. То, что она ощутила, заставило ее плечи опуститься от облегчения и грусти одновременно. Раны зажили, но крылья заново не выросли.

«Ты сделала выбор. И получила определенные последствия». Да, она это принимает. И все же странно, что бескрылое тело принадлежит ей. Тело, которое не будет жить вечно и которое в равной степени чувствует и плохое, и хорошее.

Оливия поспешила убедить себя, что все в порядке. Ведь она в крепости Владык, она с Аэроном. Аэроном, лежащим сейчас под ней. Как забавно. До сих пор ее новое тело испытывало только плохое, и теперь пришел черед для хорошего.

Оливия скатилась с Аэрона и развернулась, чтобы лучше его рассмотреть. Он еще спал; черты его лица расслабились, одну руку он закинул за голову, а другую вытянул вдоль тела,

там, где раньше лежала сама Оливия. Он обнимал ее во сне. Она мечтательно улыбнулась, и сердце ее неистово затрепетало.

Футболки на Аэро не было, и осознание этого факта заставило ее сердце забиться еще сильнее. Оливия спала на его широкой разрисованной груди, ощущая крошечные коричневые соски, тугие мускулы и волнующий пупок.

К сожалению, джинсы Аэрон не снял. Зато ступни его были босы, и Оливия увидела, что даже пальцы ног у него покрыты татуировками. Очаровательно.

«Очаровательно? В самом деле? Что с тобой творится?» Татуировки на пальцах изображали убитых им людей. Тем не менее Оливии хотелось обрисовать пальцем их контуры. Она провела рукой по бабочке на груди. Кончики крыльев были заостренными, уничтожая любой намек на хрупкость.

Почувствовав прикосновение, Аэрон вздохнул, и Оливия отпрянула. Ни за что на свете ей не хотелось быть пойманной на заигрывании с ним. Ну, без его разрешения. Движение оказалось сильнее, чем она рассчитывала, и она свалилась с кровати, шлепнулась на пол и больно ударилась. Волосы взметнулись над ее лицом, и, откинув их назад, она обнаружила, что разбудила Аэрона.

Он сел на постели и теперь смотрел на нее сверху вниз.

Сглотнув, Оливия смущенно помахала ему пальцами:

– Э-э... доброе утро.

Прищурившись, он окинул ее взглядом.

– Ты выглядишь лучше. Намного лучше. – Голос его был хриплым, возможно, после сна, а не от страсти, как отчаянно надеялась каждая клеточка ее тела. – Ты исцелилась?

– Да, спасибо.

По крайней мере, Оливия так думала. Сердце ее никак не успокаивалось, продолжая биться с переборами. В груди болело. По сравнению с перенесенной болью в спине это были сущие пустяки, но все же непривычно. И желудок бунтует.

– Ты промучилась три дня. И что, никаких осложнений? Ничего не болит?

– Три дня?

Она и не догадывалась, что прошло столько времени. И все же ей едва ли хватило бы трех дней для полного выздоровления.

– Как вышло, что я совершенно выздоровела?

Аэрон помрачнел.

– Прошлой ночью у нас был гость. Он не представился, но сказал, что вылечит тебя. И, похоже, сдержал слово. Кстати, я ему не понравился.

– Мой наставник.

Разумеется, исцелять ее было против правил, но ведь Лисандр помогал составлять эти самые правила. И, конечно, знал, как их можно обойти. Ангел, которому не нравится Аэрон? Точно Лисандр.

Аэрон снова оглядел Оливию, словно пытаясь обнаружить незажившие раны, несмотря на справедливость ее заявления. Его зрачки расширились, и чернота полностью поглотила красивую фиолетовую радужку. Не от счастья, а от... ярости? Снова? Оливия ничего не сделала, чтобы уничтожить его прежнюю нежность. Может, Лисандр сказал ему что-то обидное?

– Твое платье... – хрипло произнес он и быстро повернулся к ней спиной.

Взору Оливии предстала его вторая татуировка в виде бабочки. Интересно, каковы эти заостренные крылья на вкус? Ее рот наполнился слюной.

– Поправь его.

Нахмурившись, она осмотрела себя. Колени согнулись, и платье задралось до самой талии, открыв взгляду крохотные белые трусики. Он не должен был на это сердиться. Аня,

жена Люсьена и богиня Анархии, изо дня в день носит куда меньше одежды. Тем не менее Оливия натянула мягкую струящуюся ткань до лодыжек.

– Все в порядке, – сказала она.

Когда Аэрон повернулся к ней, его зрачки по-прежнему были расширены. Он наклонил голову набок, будто заново проигрывал их разговор у себя в голове.

– Зачем тебе наставник?

Это несложно объяснить.

– Как и люди, ангелы должны учиться выживать, помогать нуждающимся, сражаться с демонами. Мой наставник был – и остается – лучшим в своем роде, и мне невероятно повезло работать с ним.

– Назови его имя. – Слова прозвучали резко и грубо, точно удар хлыста.

Откуда такая негативная реакция?

– Думаю, вы с ним знакомы. Ты ведь знаешь Лисандра, да?

Зрачки Аэрона наконец уменьшились, и снова стали видны фиолетовые радужки – Оливия едва не утонула в их невероятной глубине.

– Лисандр Бьянки?

Формулировка вызвала у нее улыбку.

– Да. Он и ко мне приходил.

– В ту ночь, когда ты словно сама с собой говорила, – понимающе кивнул Аэрон.

– Да.

И Лисандр планирует вернуться. Но об этом она умолчала. Наставник любит ее и не тронет Аэрона, во всяком случае пока, ведь его смерть, в свою очередь, причинила бы ей боль. По крайней мере, Оливия цеплялась за эту надежду.

Аэрон нахмурился.

– Оливия, эти ангельские визиты надо прекратить. У нас и так забот хватает – с охотниками и с нашими демонами. Хоть Лисандр тебе и помог, за что я очень ему благодарен, я не позволю, чтобы он снова вмешивался.

Оливия не смогла удержаться от смеха.

– Ну, удачи тебе.

Пытаться остановить ангела – все равно что пытаться остановить ветер, другими словами, невозможно.

Он нахмурился сильнее.

– Есть хочешь?

Смена темы ее не обеспокоила, наоборот, ей было приятно. Аэрон часто проделывал подобное с друзьями, без предупреждения перескакивая с одного на другое.

– О да. Умираю от голода.

– Тогда я тебя покормлю, прежде чем отвести в город, – сказал он, спуская ноги на пол и поднимаясь с кровати.

Оливия продолжала сидеть на полу, будто приросла к нему. Во-первых, Аэрон прекрасен. Мускулистый и опасный, с головы до ног покрытый разноцветными татуировками. Во-вторых...

– Ты по-прежнему собираешься вышвырнуть меня отсюда?

– Разумеется.

«Не смей плакать».

– Почему? – Неужели Лисандр сказал ему что-то обидное, как она и подозревала?

– Лучше спроси, с чего бы мне поступать иначе?

Он прошагал в ванную и скрылся из вида. Зашуршала одежда, потом раздался шум воды.

– Ты же всю ночь держал меня в объятиях! – крикнула ему вслед Оливия. – Ты три дня заботился обо мне.

Это хоть что-то да значит, правда? Мужчины так не поступают, если только не влюблены, разве нет? За все то время, что она следила за Аэроном, никогда не видела его с женщиной. Ну, за исключением Легион, но маленькая демонесса не в счет. Он никогда не обнимал ее ночь напролет. Значит, его внимание к ней, Оливии, совершенно особенное, верно?

Ответа не последовало. Вскоре в спальню просочился пар и аромат сандала, и Оливия сообразила, что Аэрон принимает душ. Сердце ее вновь застучало быстрее, время от времени пропуская удары. Аэрон никогда прежде не ходил в душ в ее присутствии. Всегда дожидался, пока она уйдет.

Желание увидеть его обнаженное тело стало ее наваждением.

Есть ли у него там татуировки? Между ног то есть? Если да, то какие изображения он выбрал?

«И почему мне хочется полизать их так же, как и бабочки на его теле? – Представляя, как она это делает, Оливия провела языком по губам и застыла от изумления. – Плохая, испорченная девчонка». Столь сильное желание...

«Ну, я ведь больше не ангел», – напомнила она себе, теряя голову от необходимости увидеть обнаженное тело Аэрона и попробовать его на вкус. Значит, так она и поступит – увидит и попробует. После всего, что ей довелось пережить, Оливия заслуживает небольшого вознаграждения. А может, и большого? В любом случае она не уйдет из крепости, пока не взглянет на Аэрона хоть одним глазком.

Оливия решительно поднялась на ноги, но, не в силах удержать равновесие без крыльев, тут же опрокинулась вперед. Колени пронзила резкая боль, и Оливия поморщилась. Но это она может стерпеть. После того как ей вырвали крылья, она, кажется, способна выдержать что угодно.

Она снова встала. И снова упала на пол. Гр-р-р! Шум воды стих слишком рано. По мраморному полу зашлепали мокрые ноги, затем раздался шорох снимаемого полотенца.

«Поспеш!» Пока не стало слишком поздно.

Чтобы удержать равновесие, она выставила одну ногу вперед, а другую назад и, разведя руки в стороны, медленно выпрямилась во весь рост. Покачнулась влево, потом вправо, но в этот раз устояла на ногах. «Иди же!»

Увы, ее ждало разочарование – Аэрон уже вышел из ванной, обмотав одно полотенце вокруг бедер, а другое – повесив на шею. Слишком поздно. Дважды «Гр-р-р!».

– Ты так быстро помылся. Наверняка пропустил пару-тройку грязных пятен! – воскликнула Оливия.

Не глядя в ее сторону, он принялся сосредоточенно перебирать содержимое комода.

– Нет. Ничего я не пропустил.

Ох.

– Теперь твоя очередь, – произнес Аэрон, кладя футболку на комод и принимаясь вытирать вторым полотенцем свои короткие волосы.

Она уже говорила, что он прекрасен? Ей следовало назвать его «великолепным».

– Меня очищает платье. – Интересно, Аэрон тоже слышит, что она говорит с придыханием?

Он нахмурился, по-прежнему стараясь не смотреть на нее.

– Даже волосы?

– Да.

Дрожащими руками она натянула капюшон на голову, выждала время, давая волшебству свершиться, и снова сняла. Когда ткань соскользнула, Оливия провела рукой по волосам, вновь ставшим гладкими и шелковистыми.

– Видишь? Оно очищает меня целиком.

Аэрон осмотрел ее с головы до ног, задержав взгляд в определенных местах, отчего ее кровь забурлила, а кожу начало покалывать. Когда глаза их встретились, зрачки Аэрона вновь расширились и чернота поглотила фиолетовую радужку.

В самом деле, чем она так его раздражает?

– Вижу, – рыкнул Аэрон, развернулся на пятках и прошел в свою гардеробную, скрывшись из вида. Полотенце взмыло в воздух и шлепнулось на пол.

«Он снова без одежды, – подумала Оливия, моментально позабыв про его гнев. – Это твой шанс». Усмехнувшись, она двинулась вперед и сумела сделать пару шагов, прежде чем в очередной раз споткнулась и упала на колени. Остаток пути она преодолела ползком, с трудом дыша.

– Что ты делаешь?

Оливия подняла голову. Аэрон застыл в дверях гардеробной, одетый в черную футболку, джинсы и сапоги. Должно быть, он все свое мускулистое тело обвешал оружием. Глаза его были прищурены, а губы недовольно сжаты в твердую линию.

Опять не повезло. Оливия разочарованно вздохнула.

– Вообще-то не важно, – произнес он, явно устав дожидаться ее ответа. – Нам пора.

Прямо сейчас?

– Ты не можешь отвести меня в город! – выпалила Оливия. – Я тебе нужна.

Аэрон что-то пробормотал себе под нос, после чего добавил громче:

– Вряд ли. Мне никто не нужен.

Ах, неужели?

– Не забывай, что кого-то обязательно пришлют выполнить работу, которую я не смогла сделать! Раз ты не ощутил присутствия Лисандра, когда он навещал меня, то и другого ангела почувствовать не сможешь.

Аэрон скрестил руки на мощной груди, являя собой живое воплощение мужского упрямства.

– Но тебя-то я ощутил, не правда ли?

Да, ощутил, хотя Оливия так и не сообразила, как ему это удалось.

– Как я уже сказала, Лисандра ты не почувствуешь. Я же, напротив, могу видеть ангелов. И сумею предупредить тебя об их приближении.

Вообще-то они не придут за Аэроном в течение ее четырнадцатидневной отсрочки – на самом деле одиннадцатидневной, ведь три дня уже прошли, – но ему об этом знать вовсе не обязательно.

Аэрон подвигал челюстью влево-вправо, отчего татуировки на его лице исказились.

– Ты сказала, что голодна. Идем, раздобудем тебе что-нибудь поесть.

На этот раз смена темы разозлила Оливию, но она промолчала, понимая, что препираться с ним бесполезно. Кроме того, она и правда хочет есть. Она поднялась на колени, затем осторожно встала. Один шаг, второй... третий... Вскоре она стояла перед Аэроном, торжествующе улыбаясь.

– Ну и что это было? – спросил он.

– Ходьба.

– Ты так долго шла, что я успел постареть лет на пятьдесят.

Она вздернула подбородок, ничуть не обескураженная его грубостью.

– Что ж, зато я не упала.

Аэрон покачал головой – раздраженно? – и взял ее за руку.

– Идем, ангел.

– Падший, – автоматически поправила Оливия, трепеща от прикосновения его теплых сильных пальцев. Чувство, которым ей было запрещено наслаждаться.

Когда Аэрон потянул ее вперед, она споткнулась о собственные ступни. К счастью, прежде, чем Оливия успела снова поцеловать землю, Аэрон резко дернул ее вверх, а затем прижал к себе.

– Спасибо, – пробормотала она.

Теперь она ощущает себя по-настоящему живой. Прильнула к Аэрону так тесно, как только могла. Столетиями Оливия наблюдала, как люди уступают низменным желаниям, но до появления золотого пуха в крыльях никогда не задумывалась, почему они так делают. Сейчас она знает: каждое касание восхитительно. Таким, должно быть, было яблоко Евы.

Оливии хотелось большего.

– Ты являешь собой угрозу, – пробурчал Аэрон.

– *Полезную угрозу.* – Возможно, если напоминать об этом почаще, он наконец поймет, что действительно нуждается в ней.

Не удостоив ответом, Аэрон повел ее по коридору, помогая удерживаться в вертикальном положении. А на лестнице ему вообще пришлось взять ее на руки, что было еще лучше. Оливия насладилась бы ситуацией в большей степени, если бы не отвлекалась на окружающую обстановку. Стены крепости украшали картины, изображающие как небеса с парящими в облаках ангелами, так и ад. Оливия намеренно отвела взгляд от последних, чтобы не мучить себя воспоминаниями о проведенном там времени.

Также имелись полотна с обнаженными мужчинами, величественно возлежавшими на шелковых простынях. Оливия таращилась на них во все глаза, нимало не смутившись, даже когда пришлось утереть слюну. Все это: кожа... мускулы... мощь... – куда лучше смотрелось бы, с головы до ног покрытое татуировками.

– Украшением дома занималась Аня. Так что тебе лучше закрыть глаза, – произнес Аэрон своим глубоким голосом, нарушая ее пир для глаз.

– Почему? – Закрывать глаза просто преступно! Без сомнения, этим поступком она оскорбила бы своего Бога, ведь ей как раз и полагается восхищаться его творениями.

– Ради всего святого, ты же ангел. Тебе не следует смотреть на такие вещи.

– Падший, – снова напомнила ему Оливия. – Тебе-то откуда знать, что мне следует делать, а что нет?

– Просто... закрой глаза.

Поставив Оливию на ноги и поддерживая, Аэрон заставил ее завернуть за угол.

Внезапно ее слуха достиг хор голосов, и Оливия напряглась и споткнулась, не готовая иметь дело с кем-нибудь еще, кроме Аэрона.

– Осторожнее, – сказал он.

Она замедлила шаг. Люди непредсказуемы, а его бессмертные друзья – и подавно. Хуже того, теперь ее тело восприимчиво к любого рода насилию. Ее могут пытаться, физически, духовно и эмоционально, и ей не удастся улететь прочь.

На небесах все друг друга любят. Там нет ни ненависти, ни жестокости. Здесь же доброта не в чести, а люди часто обзывают друг друга ужасными словами и унижают, умышленно раня гордость.

Оливия с радостью предпочла бы провести каждую минуту своей смертной жизни наедине с Аэроном.

«Помнишь, как ты выбирала между добром и злом? Тогда ты решила, что возможность получить удовольствие стоит чего угодно. Так что ты справишься. Должна».

– Ты в порядке? – спросил Аэрон.

– Да, – решительно отозвалась Оливия.

Они обогнули еще один угол и вошли в столовую. Аэрон остановился. Голоса мгновенно стихли. Быстро осмотревшись, Оливия увидела, что за ломящимся от еды столом сидят четверо. Четверо потенциальных мучителей.

От страха у нее перехватило дыхание. Не осознавая, что делает, она вывернулась из объятий Аэрона и, отступив назад, спряталась ему за спину, упершись в нее ладонями, чтобы удержаться на ногах.

– Наконец-то. Свежее ангельское мясо, – с хриплым смешком воскликнула женщина. – А мы-то уж решили, что Аэрон собирается прятать тебя вечно. Ну, я бы такого все равно не допустила, сама понимаешь. Я уже отыскала свою верную отмычку и наметила нашу с тобой встречу на сегодняшнюю полночь.

Встречу в духе «приятно познакомиться» или «как тебе на ощупь мой клинок»? Скорее второе. Оливия узнала голос Кайи Скайхоук, близнеца Бьянки и старшей сестры Гвен. Эта Кайя – потомок самого Люцифера, воровка и лживая гарпия. Она помогает Владыкам в поисках ларца Пандоры и готова уничтожить любого, кого посчитает угрозой. Например, ангела.

Гвен, младшая из сестер Скайхоук, живет в крепости с Сабинном, хотя, насколько Оливии известно, в настоящее время эта парочка находится в Риме вместе с еще несколькими воинами. Они заняты тщательным осмотром одного из вновь появившихся из вод морских храмов титанов, надеясь найти артефакты, некогда принадлежавшие Кроносу.

Глупому Кроносу, которого Владыки считали всемогущим. Если бы они только знали...

– Я бы на твоём месте попрдержал язык, – предупредил гарпию тот, кого называли Парисом.

Оливия украдкой выглянула из-за плеча Аэрона.

– Почему? – беспечно спросила Кайя. – Думаешь, Аэрон на меня набросится? Тебе ли не знать, как я люблю борьбу. В масле.

При воспоминании о собственном малоприятном опыте борьбы в масле Парис поджал губы. Он сражался с Лисандром. Оливии бы это зрелище понравилось.

– Нет, замолчать тебе следует не из-за Аэрона. Просто тебе так больше идет.

Гарпия фыркнула, и Оливия улыбнулась в ответ. Не мучимая больше болезненными воспоминаниями, она, к своему удивлению, обнаружила, что и страх перед демонами поблек. Может, ей и правда удастся совладать с собой.

– Эй, Оливия, – обратился к ней Парис, – как ты себя чувствуешь? Тебе лучше?

– Да, спасибо, – ответила она, не покидая своего укрытия за спиной Аэрона.

– М-м-м, хотел бы я дать тебе кое-что, за что действительно стоит благодарить.

Оливия догадалась, что это подал голос Уильям, порочный красавчик с черными волосами и голубыми глазами. Неукротимый развратник со странным чувством юмора, которое она не всегда понимала.

– Кому-то стоит кое-что тебе отрезать ради блага всех женщин.

Реплика принадлежала Камео, единственной женщине Владыке. Ну, единственной, о которой им известно. Камео – одержимая демоном Печали, и потому в ее голосе звучит вся скорбь мира.

Внезапно Оливии захотелось ее обнять. Никто не догадывался, что Камео каждый вечер плачет перед сном. Это просто разрывало сердце. Оливия подумала, что, возможно, удастся подружиться с Камео, снова удивляясь тому, что страх отступил.

– Ну, прямо сейчас об этом и речи быть не может, – произнес Аэрон, снова беря Оливию за руку, и, шагая вперед, потянул ее за собой. Подойдя к столу, он выдвинул для нее стул.

Оливия качнула головой, по-прежнему глядя в пол.

– Нет, спасибо.

– Почему?

– Я не хочу сидеть одна. – Особенно после того, как познала блаженное ощущение близости Аэрона, сперва в качестве ее матраса, потом – опоры.

Вздыхнув, он сам плюхнулся на стул. Стараясь сдержать торжествующую улыбку, Оливия устроилась у него на коленях. Ладно, на самом деле она шлепнулась к нему на колени. Ведь без его поддержки ей не за что было уцепиться. Аэрон напрягся, но не оттолкнул ее.

Она понятия не имела, как сидящие за столом восприняли это маленькое представление, потому что по-прежнему держала глаза опущенными. Самой ей было очень спокойно и хотелось весь день провести на коленях у Аэрона.

– Где остальные? – поинтересовался он так, словно разговор и не прерывался.

– Люсьен и Аня в городе, все еще ищут твою Девушку-из-Тени, – пояснил Парис. – Торин, как обычно, в своей комнате, наблюдает за окружающим миром и охраняет нас. Даника... – При упоминании этого имени Аэрон вздрогнул, и Оливия успокаивающе похлопала его по руке. Он до сих пор испытывает чувство вины за то, что едва не убил подругу Рейеса. – Даника что-то рисует, но пока не говорит, что именно, а Эшлин просматривает свитки, переданные Кроносом, пытаюсь вспомнить, слышала ли разговоры о ком-либо из списка.

Оливия знала, что в упомянутых свитках перечислены почти все бессмертные, одержимые демонами, вырвавшимися из ларца Пандоры. Ангелы столетиями следили за ними, так что Оливия в курсе, где некоторые из них живут. Приговорит ли ее собственная раса к смерти, если она расскажет Владыкам то, что ей известно? Нарушит ли она тем самым древний закон?

– О, боги, Разврат, нам стоит переименовать тебя в Скуку. Давай поговорим о чем-нибудь более веселом. Разве не полагается вначале представиться? – подсказал Уильям. – Это же элементарная вежливость.

– С каких пор тебя волнуют правила приличия? – рявкнул Аэрон.

– С этих самых.

Оливия услышала, как он скрипнул зубами.

– Это Оливия. Она ангел, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Его грубый тон не предполагал развития темы.

– Падший ангел, – тем не менее поправила она и не смогла сдержать радостный возглас, заметив вазу с виноградом. Три дня голода давали о себе знать.

Умение делиться и умеренность – два ее неизменных жизненных принципа – отошли на второй план, когда она схватила вазу и прижала к своей груди. Пригоршнями отрывая восхитительные ягоды, она отправляла их в рот одну за другой, наслаждаясь вкусом и постанывая от удовольствия. Очень скоро ваза опустела, и Оливия нахмурилась – пока не заметила тарелку с кусочками яблока.

– Вкуснятина. – Она потянулась за лакомством и едва не опрокинулась, но сильные руки Аэрона легли на ее бедра, удерживая на месте и заставляя трепетать. – Спасибо.

– Не за что, – прохрипел он.

Оливия с улыбкой умыкнула тарелку со стола и вновь устроилась у Аэрона на коленях. Он напрягся и слегка толкнул ее в поясницу, но она не обратила внимания, быстро поглощая кусочки яблока и постанывая от удовольствия. Теперь, когда она стала человеком, еда казалась еще вкуснее. Сладше. Принятие пищи из привычки превратилось в необходимость.

Наконец насытившись, Оливия огляделась, чтобы предложить кому-нибудь оставшийся кусочек яблока. И поняла, что, пока она ела, все остальные не сводили с нее глаз. Еда в желудке налилась свинцовой тяжестью.

– Простите, – автоматически произнесла она, гадая, что опять сделала не так.

– За что ты извиняешься? – спросила Кайя. В ее голосе не было злости, лишь неподдельное любопытство.

– Все на меня смотрят, и я подумала... – Да и Аэрон напрягся еще сильнее.

– Соглашусь с гарпией, – поддакнул Уильям, подергав бровями. – Мне нравятся женщины, которые умеют соблазнительно есть.

Она же ничего подобного не делала, правда?

Кайя отвесила ему подзатыльник:

– Заткнись, плейбой. Никого не интересует твое мнение. – Затем обратилась к Оливии: – На случай, если ты еще не догадалась, поясню: я разглядываю тебя просто из любопытства.

То же самое Оливия испытывала к Кайе. Гарпии могут есть только украденную пищу, они беззастенчиво лгут и самозабвенно убивают. Короче говоря, являются полной противоположностью ангелам и сполна наслаждаются жизнью. Вот почему Лисандр выбрал себе в подружки одну из них.

«Скоро я тоже буду жить на полную катушку».

– Знаешь Лисандра, приятеля моей близняшки? – спросила Кайя.

– Да, и очень хорошо.

Гарпия поставила локти на стол, отчего посуда задребезжала.

– Он правда такой безжалостный, как я думаю? – В голосе ее сквозило отвращение.

– Возможно, даже более того.

– Так я и знала! Бедняжка Би. – Сострадание омрачило ее черты, но она тут же просияла. – Придумала. Мы с тобой станем держаться вместе, потому что две красивые головки всегда лучше одной, и сообразим, как его хоть немножко смягчить. Мы даже сможем лучше узнать друг друга. Женщинам в этом доме приходится держаться сообща.

– Вряд ли это у вас получится. После завтрака я отвезу Оливию в город. – Аэрон еще сильнее стиснул ее в объятиях. – Так что никаких планов. Никаких послаблений. И уж точно никакой дружбы.

Плечи Оливии поникли. Неужели Аэрон всегда был так суров, а она просто не замечала? Или ведет себя так ради ее же блага?

– Ты уверен, что хочешь от меня избавиться? – спросила она. – Я тебе пригожусь. Обещаю!

– Потому что можешь мне помочь? – спросил он, хотя следовало бы говорить утвердительно.

Оливии вдруг захотелось схватить упрянца за плечи и хорошенько встряхнуть.

– Да.

– У нас здесь и так полно помощников.

– Еще я могу сделать так, что ты будешь улыбаться. Это моя работа, помнишь? – Вообще-то прежняя работа, по которой она скучает. – Ты бы хотел улыбаться?

– Нет, – без колебаний ответил Аэрон.

– А я бы хотел, – вмешался Уильям. – Люблю лежать обнаженным в постели и улыбаться, так что я за то, чтобы оставить ангела.

Ногти Аэрона впились сквозь ткань платья в кожу Оливии, но она не стала возражать. В противном случае он уберет руки, а ей нравится ощущать их там, где они сейчас.

– Как сказала Кайя, твое мнение никого не интересует.

– Кроме того, – добавила Кайя, – я сомневаюсь, что здоровяк вообще умеет улыбаться.

– Вот и я сомневаюсь, – брякнул Аэрон, и все засмеялись.

– Ясное дело, Ворчун. – Кайя перебросила через плечо свои огненные волосы. – Слушай, тебе незачем отвозить ангела в город. Я самолично позабочусь о том, чтобы поближе познакомиться с ней. Меня невероятно впечатлил тот факт, что она позволила вышвырнуть себя с небес, и требую побольше пикантных подробностей.

– Как и я, – решительно кивнула Камео. – В смысле, узнать ее поближе.

– Можете и меня добавить в компанию. – Уильям послал Оливии воздушный поцелуй, и она зарделась. – Не надо ничего говорить. Я предвижу, какие слова готовы сорваться с твоего языка. Поправь меня, если я ошибаюсь, но тебе будет приятно узнать меня поближе.

Аэрон издал низкое гортанное рычание.

– Она не останется, так что приятно ей не будет. Как я уже сказал, я отвезу ее в город и оставлю там. Сегодня же.

– Но почему? – спросила Оливия. Может, она и ненавидела свои обязанности ангела-воителя, может, ей никогда не приходилось убивать, но это не означает, что она совершеннейшая слабачка. – Ты думаешь, будто тебе не нужны еще помощники, но гарантирую: те, кто у тебя есть, не защитят от следующего ангела, посланного за твоей головой.

Оливия ожидала, что кто-нибудь выскажется в ее поддержку, но, казалось, никого не беспокоил небесный убийца, который явится уничтожить их друга. Все сидящие за столом, видимо, полагают, что Аэрон непобедим. Включая его самого.

Так что, разумеется, он продолжал упрячиться:

– Мне все равно.

Оливия поставила тарелку обратно на стол, загремев посудой куда сильнее, чем прежде Кайя.

– Также я могу помочь тебе победить охотников. – И это правда.

– Оливия! – Ей не нужно было смотреть на него, чтобы понять, что он воздел глаза к потолку, словно умоляя небеса ниспослать ему терпения. Вот только, если она не ошибается, в молитве, которую бормотал Аэрон, он просил о силе. – Мы демоны, а демоны и ангелы не могут быть вместе. Кроме того, Легион не вернется, пока ты здесь.

Единственный аргумент, который Оливия не могла полностью опровергнуть.

– Но... но... я бы хотела с ней поладить. – Если он и услышал панику в ее голосе, то не подал виду. – И я буду приветлива со всеми остальными твоими друзьями. Как же иначе? Я пожертвовала всем, чтобы спасти тебя.

– Знаю, – прорычал Аэрон.

– Самое меньшее, что ты можешь сделать, – это...

– Я не просил тебя ничем жертвовать! – взорвался он. – Так что нет. Никакого «самого меньшего» быть не может. Ты выздоровела. Мы в расчете. Я ничего тебе не должен.

Игнорируя его, Камео оперлась локтями о стол и наклонилась ближе к Оливии:

– Забудь о нем. Просто он еще не получил нужную дозу кофеина. Давай-ка вернемся немного назад. Чем ты можешь помочь нам с охотниками?

Наконец-то! Хоть какое-то проявление интереса, пусть даже тон Камео скорее печальный, чем ободряющий. Оливия еще выше вздернула подбородок.

– Во-первых, мне известно, где находятся остальные бессмертные, одержимые демонами. – К счастью, после этих слов ее не поразила молния и не окружили ангелы с пылающими мечами. – Кажется, вы говорили, что разыскиваете их.

Минута прошла в пораженном молчании. Все ошеломленно смотрели на Оливию.

– Аэрон... – начала Камео.

– Нет. Это не имеет значения, – твердо произнес он. – У нас же есть свитки.

– Да, но в них указаны имена, а не местонахождение. – Взгляд женщины Владыки стал пронзающим. – Сабин наверняка захочет поговорить с ней, когда вернется.

– Тем хуже для него.

– Раз этот кретин Сабин захочет с ней потолковать, то и Гвенни тоже, – произнесла Кайя, барабанив ногтями по столу. – А как ты уже знаешь, молокосос, я привыкла следить, чтобы моя сестра всегда получала желаемое. Кроме того, я умираю от скуки, ведь, вопреки обещаниям, никто на крепость так и не напал.

– Гарпия, – прорычал Аэрон, – не испытывай мое терпение. Ты подчинишься мне и дашь ангелу уйти.

– Воины просто души, когда начинают вести себя как крутые командиры. – Рука Кайи резко метнулась вперед, и снова раздался грохот посуды. Гарпия схватила пригоршню яиц и швырнула их в Аэрона.

Оливия быстро пригнулась, и яйца угодили ему в лицо. Он скривился, вытирая желтую массу. К Оливии он больше не прикоснулся, а положил руки на подлокотники.

Кайя захихикала, как школьница.

– Не притворяйся, будто удивлен нашим желанием оставить ее здесь. Парис рассказал мне, что ты крикнул Кроносу той ночью на крыше. «Пошли мне женщину, которая меня отвергнет», – передразнила она.

– Да неужели? Когда это вы с Парисом нашли время для разговоров по душам? – поинтересовался Уильям, намазывая маслом черничный кекс.

Кайя лишь плечами пожала, не сводя глаз с Аэрона.

– Пару ночей назад мне хотелось поразвлечься, а он выглядел несколько ослабевшим. – Она снова пожала плечами. – Позже он решил немного поболтать.

Парис в подтверждение ее слов лишь кивнул. Каждый раз, когда Оливия видела одержимого демоном Разврата, он был грустен. Но сейчас выглядит почти... счастливым, только немного усталым. Тот еще, должно быть, у них с Кайей разговорчик вышел!

– Я же предлагал тебе место в своей постели, – плаксиво воскликнул Уильям.

Постели? Ой-ой. Кайя и Парис, по-видимому, занимались еще кое-чем помимо разговора по душам.

– Ты облажался в игре «Герой гитары», вот я и решила, что твои ручки недостаточно ловкие. Кроме того, на тебя положил глаз кое-кто, кого мы все знаем и любим.

– Кто? – вырвалось у Оливии.

Кайя не обратила на нее внимания, продолжая разговор с Уильямом:

– Поэтому право согреть меня той ночью я предоставила Парису. Жду не дождусь встречи с Бьянкой, чтобы пересказать ей все горячие и грязные детали.

– О нет. Нет-нет-нет. Незачем раскрывать подробности связи со знаменитостью! – прошипел Парис.

Гарпия медленно порочно улыбнулась.

– Напротив! Выложу все, как есть. А тебе, Аэрон бесполезный, придется отправиться в город и там поиграть со своей маленькой демонессой, раз уж так жаждешь ее возвращения. Ангел остается.

Дыхание Аэрона огнем обожгло шею Оливии.

– Это мой дом.

– Больше нет, – в унисон отозвались Кайя и Уильям.

Они обменялись улыбками, хотя Уильям все еще дулся на гарпию из-за выбора партнера.

– Верно, – подтвердила Оливия, вздернув подбородок. – Больше нет.

Ей хотелось, чтобы Аэрон остался с ней, но ему определенно нужно время, чтобы понять, как ему повезло, что она здесь.

Она уверила себя, что это вовсе не эгоистично. Правда не может быть эгоистичной. Кроме того, Аэрону требуется всего несколько часов, чтобы осознать, как сильно он нуждается в Оливии и хочет быть с ней. Он же умный мужчина. По большей части.

«Пожалуйста, пусть он захочет остаться со мной».

Руки Аэрона снова обхватили ее талию, но на этот раз сжали так сильно, что она вскрикнула.

– Оливия, ты знаешь, где спрятан ларец Пандоры?

Разумеется, он задал тот единственный вопрос, на который у нее нет ответа.

– Ну... э-э-э... нет.

– Ты знаешь, где находятся Плащ Невидимости и Жезл Разделения?

Хорошо. Два вопроса, на которые ей нечего ответить.

– Нет, – призналась она чуть слышно.

Оливия знала лишь, что Владыки отыскали два из артефактов Кроноса: Клеть Принуждения и Всевидящее Око. Как и упомянул Аэрон, им не хватало Плаща Невидимости и Жезла Разделения. Так как Единному Истинному Богу подобные реликвии без надобности, ангелы никогда их не искали.

Аэрон поставил Оливию на ноги и отпустил. Ей пришлось схватиться за стол, чтобы не упасть. И сжать губы, чтобы не застонать от разочарования.

«Коснись меня».

– По-прежнему хотите, чтобы она осталась? – спросил он лишенным эмоций голосом. – Она, а не я?

Один за другим присутствующие кивнули. Без тени раскаяния.

– Отлично. – Он провел языком по зубам. – Она ваша. Выспрашивайте у нее что хотите. А я, как вы и предложили, отправляюсь в город. Кто-нибудь, отправьте мне эсэмэску, когда она уйдет. Только тогда я вернусь.

Глава 6

«Все вокруг сговорились, чтобы свести меня с ума», – мрачно подумал Аэрон.

Во-первых, друзья вышвырнули его из дома. Во-вторых, демон вопил в голове, требуя остаться. Остаться. С Оливией. С той, кого Ярость должен презирать. С той, кого сам Аэрон должен презирать. Вместо этого он вдруг понял стоящую перед демоном дилемму.

Оливия очаровательна.

Проснувшись нынче утром и осознав, что Оливия полностью исцелилась, Аэрон почувствовал вспышку желания, существование которого отрицал всего несколько дней назад. Даже сейчас оно никак не шло на убыль. Когда Оливия упала на пол, платье задралось до талии, и ее трусики... черт, ее трусики. Слишком белые, слишком невинные. Вызывают у мужчины желание стянуть их зубами и нарушить чистоту владелицы. Аэрону хотелось сорвать с нее и платье тоже, чтобы в полной мере насладиться ею.

Каким-то чудом он сумел справиться с собой.

Может, потому, что узнал – и теперь постоянно напоминает себе об этом, – что услышанный им накануне голос принадлежал Лисандру. Что именно Лисандр исцелил Оливию, потому что хочет, чтобы она была счастлива и невредима.

– И нетронута, – пробормотал он.

Лисандр стал бы ужасным врагом.

С охотниками Владыки могут сражаться. Но с охотниками и ангельским войском одновременно? Маловероятно.

В конце концов Аэрону все же удалось взять себя в руки, встать с кровати и при этом не наброситься на Оливию в отчаянном желании коснуться ее тела, отведать ее на вкус. Он сумел такти убедить себя, что от нее нужно избавиться. И даже благополучно позабыл об эрекции, пульсировавшей между ног, пока Оливия ерзала у него на коленях, соблазнительно поглощая фрукты.

А Ярость теперь настаивает на большем.

– Ты нравился мне куда сильнее, когда просто присутствовал в моей жизни. Как побуждение к действию, – сказал Аэрон своему демону.

Тот в ответ лишь фыркнул. По крайней мере, больше не ноет. Демон затих всего несколько минут назад, поняв, что задумал Аэрон.

Аэрон потер лицо с такой силой, что оцарапал щеки мозолистыми пальцами. Сейчас он в городской квартире Джилли – просторной, с тремя спальнями, расположенной в престижном районе. Джилли – юная подруга Даники, живущая теперь в Будапеште. Горин, их первая линия обороны в крепости, оснастил квартиру всевозможными чудесами техники по обеспечению безопасности на случай, если охотники все же вычислят связь хозяйки с Владыками. Хотя она была обычной смертной и не имела никакого отношения к криминалу – просто чудо, учитывая то, что Даника рассказывала о трудном детстве подруги, – эти уклонки не колеблясь причинили бы ей вред.

Джилли учится в выпускном классе средней школы и, без сомнения, рада находиться подальше от Владык. Рядом с Аэроном ей все еще не по себе. И неудивительно. Несмотря на то что ей всего семнадцать, Джилли неоднократно сталкивалась с темной стороной мужской природы и уже много лет сама о себе заботилась. Владыки предложили ей комнату в крепости, но она предпочла собственное жилье. Это и к лучшему. Теперь Аэрону не придется бесцельно бродить до самой ночи, и он наконец получил возможность вызвать Легион.

Он встал в центре гостиной, предварительно отодвинув диваны и кресла к стенам, чтобы освободить место для круга из соли и сахара, который насыпал прямо перед собой. Он собирался вызвать демонессу так, чтобы она не могла не подчиниться.

Разведя руки в стороны, он произнес:

– Легион, *Quinientos Diecésis of the Croisé Sombres of Neid and Notpe hocil*. – Все в точности так, как она его учила. Он назвал ее имя, порядковый номер и звание на смеси разных языков. Легион, номер пятьсот шестнадцать из числа Темных Крестоносцев Зависти и Нищеты. Не проговори он всего этого, мог бы случайно вызвать кого-то другого. – Приказываю тебе появиться передо мной. Сейчас же.

Не было ни вспышки света, которой так любил знаменовать свои визиты Кронос, ни остановки времени. Только что Аэрон стоял в комнате один, а в следующий миг внутри круга возникла Легион. Вот так просто.

Она упала на пол, тяжело дыша. На чешуйчатой коже блестели капельки пота.

– Легион!

Аэрон наклонился и подхватил ее на руки, внимательно следя, чтобы ни единая крупинка соли или сахара не попала на ее кожу. Она предупреждала, что это вызовет ожог.

Ярость замурлыкал, вновь придя в благодушное настроение.

Легион тут же свернулась клубком в объятиях воина.

– Аэрон. Мой Аэрон.

Ее действие напомнило об Оливии. Милой, прекрасной Оливии, которая осталась с Кайей, чокнутой гарпией с извращенным чувством юмора, и с Камео, безжалостной убийцей с трагическим голосом. Не говоря уже об Уильяме и Парисе, помешанных на сексе. Прими их Аэрон всерьез, разнес бы квартиру Джилли в приступе ярости. Да-да, именно ярости, а не ревности. Если бы они попытались приставать к Оливии, то навлекли бы на себя гнев Лисандра, – и исключительно эта мысль (а вовсе не то, что Оливия могла бы увлечься кем-то из его друзей) привела Аэрона в бешенство.

Чуть погодя Аэрон решил, что в стенах квартиры Джилли не хватает нескольких дыр. Он оказал бы хозяйке услугу, помогая разнообразить интерьер дома.

Учитывая то, как настороженно держалась Оливия со всеми – всеми, кроме него самого, но Аэрон вовсе этим не гордился, – возможно, не сильно-то она и преуспела с этой своей дружбой. Быть может, прямо сейчас она прячется в его комнате, плачет и молится, чтобы он поскорее вернулся.

Определенно диван покажется Джилли куда более удобным, если разломать его надвое.

«Закрой свое сердце – ты ведь уверял Париса, что это тебе по силам». Настроение Оливии его не волнует. И слезы ее ничего не значат. Просто не могут что-то значить. На самом деле так даже лучше. Она гораздо быстрее уберется из крепости.

Для него самое важное в жизни – это Легион. Дитя, которое он втайне желал, но не мог иметь. Не только потому, что никогда не встречался с женщинами, но и потому, что знал, насколько слабыми могут быть дети. Неизвестное ему счастье отцовства не стоило агонии наблюдать, как собственный ребенок стареет и умирает на твоих глазах.

С Легион ему нечего опасаться. Она будет жить вечно.

– Что случилось, драгоценная моя девочка? – спросил Аэрон, неся демонессу к дивану, где устроился на подушках, держа ее в объятиях. От нее пахло серой, и Ярость вздохнул от тоски по дому. Некогда демон ненавидел этот запах. Теперь же, познав ужас заточения в ларце Пандоры, Ярость считал вонь серы райским ароматом.

– Они преследовали меня. – Она потерлась шершавой щекой о его грудь, оцарапав кожу, и замурлыкала. – Почти поймали меня в этот раз.

Из-за раздвоенного языка Легион всегда растягивала некоторые звуки, и Аэрон находил это очаровательным. Когда они только познакомились, она и говорила как ребенок, путая времена и местоимения. По просьбе самой Легион Аэрон занимался с ней грамматикой и очень гордился ее успехами.

– Сейчас ты здесь. В безопасности. – Аэрон погладил маленькие рожки у нее на голове, зная, что они очень чувствительные и что ей это нравится. – Тебе не нужно возвращаться.

– Ангел мертв?

– Не совсем, – ответил он, откладывая объяснения на потом.

Несколько минут они просидели молча, пока дыхание Легион не пришло в норму. Наконец она успокоилась, и пышущие жаром чешуйки на коже остыли. Она села и посмотрела по сторонам своими красными глазами.

– Это совсем не наш дом, – озадаченно протянула она.

Аэрон попытался посмотреть на обстановку ее глазами. Мебель всех цветов радуги: красная, синяя, зеленая, фиолетовая и розовая. На деревянном полу ковер с цветочным узором. Стены увешаны большими и маленькими картинами с изображением небес – подарки от Даники.

– Мы дома у Джилли.

– Мило, – отозвалась Легион с явным почтением в голосе.

Аэрон давно перестал удивляться женственности демонессы. Когда они вернутся в крепость, он устроит так, чтобы у нее появилась собственная комната. Комната, которую она украсит по своему вкусу. Неизвестно, сколько еще розового он сможет вынести в своей спальне.

– Рад, что тебе нравится. Мы можем побыть здесь некоторое время.

– Что? – Она посмотрела Аэрону в лицо, и благоговение ее сменилось яростью. – Ты теперь жживешь с Джжилли? Она... она тебя любит?

– Нет.

Легион медленно расслабилась.

– Что ж, ладно, а теперь я хочу домой. Я соскучилась.

«И я тоже».

– Увы, мы не можем вернуться. Там ангел.

Легион напряглась, и ярость ее вернулась с новой силой.

– Почему там она, а не мы?

Отличный вопрос.

– Она хочет помочь разобраться с охотниками.

– Нет. Нет! Это я помогаю с охотниками!

– Я знаю, знаю.

Легион хоть и мала ростом, но жестока, и убийство для нее – просто игра. Однако в ее жизни было столько борьбы, что теперь Аэрон желал для нее покоя и не хотел втягивать в новую битву. И не станет этого делать.

Она слишком много значит для него.

– Здесь мы можем побыть одни, – сказал он.

– Хорошо. – Легион снова прильнула к нему и расслабилась. – Останемся, но я помогу больше, чем она.

Или Оливия лишится головы. Предупреждение получено. Пришло время отвлечь милую крошку.

– Хочешь сыграть в игру?

Усмехнувшись, Легион подскочила и, скользкая как змея, обвилась вокруг шеи Аэрона.

– Хочу, хочу, хочу!

Его милая Легион всегда готова играть. Хоть речь ее и улучшилась, желания по-прежнему оставались детскими.

– Выбирай любую, какая нравится.

Потянувшись, чтобы приласкать демонессу, Аэрон обратил внимание на свою руку. На запястье остался крошечный незанятый татуировками кусочек кожи, и он решил наколоть там

змею на память о Легион. Эта татуировка станет единственной в своем роде, так как, в отличие от остальных, будет напоминать о хорошем в его жизни.

Да, идея ему понравилась.

– Хочу играть... в «Одежда не обязательна». – Забава, также известная под названием «Порви в клочья все, что надето на Аэроне».

– Может, выберешь что-то другое? Как насчет «Салона красоты», в который мы играли неделю назад? Разрешаю покрасить мне ногти.

– Да! – Легион в восторге захлопала в ладоши. – Схожжу за лаком Джжилли.

Она сорвалась с места и исчезла в коридоре.

– Спальня Джжилли последняя по правой стороне, – крикнул Аэрон ей вслед, решив, что еще пару часиков побалуует Легион, а потом отправится прочесывать город в поисках охотников и Девушки-из-Тени. После всего, что Легион пришлось пережить в аду, он просто обязан дать ей возможность немного развлечься, и черт с ними, с обязанностями.

Обязан. Слово буквально взорвалось в голове, и Аэрон выругался. Парису он тоже обязан помочь.

Хоть он и заявил, что не вернется в крепость, пока Оливия не уйдет, но ему нужно заботиться о Парисе. Эта обязанность не из тех, от которых отлынивают под любым предлогом, а Аэрон уже три дня подряд сваливает свою работу на Люсьена. Аэрон вздохнул, недовольный собой. То, что Люсьен переносит Париса в город, еще не означает, что тот кого-то там себе находит.

Может, Парис и переспал с Кайей прошлой ночью, но силы, которую он при этом почерпнул, надолго не хватит. Хоть за завтраком он и улыбался, все же выглядел усталым. А усталость, как успел узнать Аэрон, служит первым признаком начала проблем.

Он был готов побиться об заклад, что после Кайи Парис больше ни с кем не спал. А так нельзя.

Легион, широко улыбаясь, вприпрыжку вернулась в гостиную с пурпурной пластиковой коробкой в руках.

– Когда я закончу, твои ногти будут похожи на радугу.

Радуга. Все лучше, чем ярко-розовые всполохи, которые она намалевала на нем в прошлый раз.

– Прости, детка, но игру придется отложить. Мне нужно вернуться в крепость и кое-что уладить. Ты пока останешься здесь.

Коробка с грохотом ударилась об пол.

– Нет!

– Я ненадолго.

– Нет! Ты меня вызвал. Сказал, мы будем играть.

– Но если Джжилли вернется до меня, – продолжал Аэрон, пропустив ее слова мимо ушей, – пожалуйста, умоляю тебя, не пытайся поиграть с ней. Хорошо? – Смертная этого точно не переживет. – Мне нужно кое-что захватить, и все. – Вернее, кое-кого. – Будь хорошей девочкой и жди меня.

Легион подскочила к нему, положила руки на грудь и провела по ней когтями, отчего на коже выступили капельки крови.

– Я с тобой.

– Тебе нельзя, детка. Помнишь? – Аэрон протянул руку и почесал ее за ушком. – Там ангел. Хоть она и лишилась крыльев и теперь ее можно видеть, для тебя она по-прежнему опасна. Она...

Маленькая демонесса подпрыгнула и, устроившись у Аэрона на коленях, посмотрела в лицо. Ее и без того большие глаза расширились еще сильнее.

– У нее больше нет крыльев?

– Нет.

– Значит, она пала, да?

– Да.

Легион снова радостно захлопала в ладоши.

– Я слышала про павшего ангела, но не знала, что это она. Я могла бы помочь мучить ее! Но это можно исправить. Можно прямо сейчас очистить от нее дом. Я могу убить ее.

– Нет, – воскликнул Аэрон резче, чем собирался.

Демон Ярости заметался и зарычал у Аэрона в голове, впервые разозлившись на Легион.

Не потому ли, что сам хотел уничтожить ангела? Нет. Аэрон тряхнул головой. Бессмыслица какая-то, ведь совсем недавно Ярость желал «большого». Возможно, демон вообще не хочет, чтобы кто бы то ни было уничтожил ангела. Эта догадка тоже казалась странной, но больше соответствовала истине.

Почему Оливия нравится демону?

«Потом подумаю». Аэрон взял Легион пальцами за подбородок и заставил сфокусировать внимание на себе, чтобы наверняка отвлечь ее от фантазий об убийстве Оливии.

– Посмотри на меня, детка. Хорошо. Теперь слушай. Ты не тронешь ангела.

Легион удивленно заморгала:

– Но я могу! Мне достанет сил, правда, правда!

– Знаю, что можешь, но не хочу, чтобы ты это делала. Ей поручили убить меня, но она не стала выполнять приказ.

Вместо этого, Оливия пожертвовала ради него всем.

«Почему?» – в тысячный раз спрашивал себя Аэрон. Кем надо быть, чтобы пойти на такое? Когда Оливия напомнила ему о принесенной жертве, он поднял ее на смех, хотя на самом деле был очарован и смущен. И покорен.

Она же его совсем не знает. Или, вернее, знает немного, ведь неделями следила за ним, но в этом случае ее решение выглядело еще более странным. Более того, он просто недостойн спасения. Только не от ангела – воплощения добра, истины и красоты. И уж точно не от женщины, с которой никогда не позволит себе быть.

– И что? – настаивала Легион.

– И то. Взамен мы тоже будем добры к ней.

– Что? Нет! Нет-нет-нет. – Если бы она стояла, то топнула бы ногой. – Я обижду ее, если захочу.

– Легион, – произнес Аэрон самым строгим тоном, на который был способен. – Это не обсуждается. Ты оставишь ее в покое. Пообещай мне.

Нахмурившись, она спрыгнула с его коленей и принялась мерить шагами ковер.

– Ты хотел, чтобы я была добра с твоими друзьями. Значит, и она твой друг? Ты не можешь дружить с мерзким ангелом.

Легион словно говорила сама с собой, так что Аэрон не стал отвечать. Просто дал ей возможность выговориться, чтобы выпустить пар.

– Она красивая? Готова поспорить, что красивая.

И снова Аэрон промолчал, понимая, что Легион ревнует и хочет быть центром его мира. Такое поведение не редкость у детей отцов-одиночек. Она не любит, когда он переключает внимание на кого-то еще.

– Ты ее любишь, – с укоризной произнесла она.

– Нет. Не люблю, – возразил Аэрон, слыша неуверенность в собственном голосе.

Несколько ночей подряд он держал Оливию в объятиях, и ему это понравилось. Даже слишком. Понравилось, что за завтраком она сидела у него на коленях. Понравилось ощущать

ее чистый небесный аромат. Чувствовать ее мягкую кожу и смотреть в невинные глаза. Ему нравились ее доброта и решительность.

Правилось то, как она смотрит на него – словно он и спаситель, и соблазнитель одновременно.

– Ты ее любишь, – повторила Легион с такой яростью, что, будь ее слова огнем, обожгли бы ему кожу.

– Легион, – воскликнул Аэрон. – Даже если мне и понравится другая женщина, это вовсе не означает, что я буду меньше любить тебя. Ты мой ребенок, и ничто это не изменит.

Яд закапал с ее невероятно острых клыков – клыков, которые она с рычанием оскалила.

– Я не ребенок! А ты не можешь ее любить. Просто не можешь. Я убью ее. Убью прямо сейчас!

С этими словами Легион растворилась в воздухе.

– Ну, что скажешь?

Оливия неловко вертелась перед огромным, во весь рост, зеркалом, рассматривая свой наряд: черные сапоги до колен, едва прикрывающую ягодицы юбку и топ небесно-голубого цвета. Из-за пояса юбки выглядывал край голубых, в тон топу, стрингов, кричащих об испорченности своей владелицы. Никогда прежде Оливия так не обнажалась. Даже находясь наедине с самой собой. В этом просто не было надобности.

Впрочем, она сама об этом попросила.

– Сделай меня красивой, – обратилась она к Кайе, едва Аэрон, печатая шаг, покинул крепость.

– Ах, чудненько! Создадим тебе образ развратницы, – объявила гарпия.

Заслышав это, Уильям и Парис застонали. Напевая себе под нос «Ску-у-укота-а», Парис удалился. Уильям уходить не спешил, пытаясь предложить свою «помощь», но Кайя пригрозила, что сделает себе серьги из его яиц, и он тоже ретировался.

Выпроводив воинов, гарпия удивленно посмотрела на Оливию:

– Хочешь, чтобы Аэрон осознал свою ошибку, а?

– Именно.

Более того, ей хотелось радикально изменить ангельский образ. Раз и навсегда. Оливия решила, что, сбросив платье, она с такой же легкостью избавится от страха и нерешительности. А облачившись в вызывающий наряд, обретет уверенность в себе и напористость.

Второй раз повернувшись спиной, чтобы рассмотреть себя сзади, Оливия поняла, что не ошиблась. Ну, вернее, она поняла это, когда у нее перестала кружиться голова. К счастью, она наконец-то стала привыкать к собственным ногам и сумела не упасть.

– Мне нравится, – усмехаясь, провозгласила она.

Теперь Оливия выглядит совершенно по-иному. Почти как человек. Более того, она буквально сияет и купается в этом сиянии, как в море энергии.

«Я сильная. Я красивая».

Что подумает Аэрон? За все то время, что Оливия за ним наблюдала, он никогда не обращал внимания ни на одну женщину – за исключением ее самой в течение нескольких ночей и сегодняшнего утра. Так что она не была уверена, какой тип женщин он предпочитает.

Оливия решила, что это и к лучшему. Так ей не нужно будет притворяться тем, кем не является. В противном случае до сих пор сидела бы на небесах. Так что Аэрону придется полюбить ее такой, какая она есть. Именно этого ей больше всего хотелось. Если же он не сумеет – что ж, тогда не стоит тратить на него время.

«Ты ему понравишься. Как же иначе?»

Как приятно ощущать уверенность.

– Это прикид в духе «заставь мужчину умолять», точно тебе говорю, – уверяла Кайя. Рыжеволосая гарпия битый час рылась в своем гардеробе, чтобы одеть Оливию должным образом. – Я стырила его в одном маленьком магазинчике в городе.

Секундочку.

– Ты не платила за эту одежду?

– Нет.

– Правда?

Оливия с удивлением обнаружила, что от этого признания почувствовала себя еще сексуальнее. Неужели она становится такой же плохой, как демоны? Не отправить ли в магазин немного денег? «У тебя их нет». Может, тогда послать в магазин деньги Аэрона?

– Теперь садись, – скомандовала Кайя, кивнув в сторону кресла у туалетного столика.

Камео застонала.

– Ты еще не закончила? – Сидя на кровати, она нетерпеливо дожидалась конца превращения Оливии в распутницу. – У меня столько вопросов.

– Так задавай их, пока я буду заниматься ее макияжем, – пожала плечами Кайя.

Оливия устроилась на плюшевом сиденье, как ей было велено, а гарпия присела перед ней на корточки, вооружившись кисточкой и коробочкой с тенями лазурного цвета. Оливия никогда прежде не красилась и потому не была уверена насчет такого насыщенного оттенка, но возражать не стала. В конце концов, это одна из причин, по которой она здесь. Попробовать все, что только может предложить ей мир.

– Закрой глаза, – велела Кайя. Оливия подчинилась и почувствовала, как кисточка мягко запорхала по векам. – Начинай, Камео.

Повторного приглашения не потребовалось.

– Ты сказала, что знаешь, где живут другие одержимые демонами бессмертные, – заявила Камео, сразу переходя к делу.

– Да.

И снова молния не поразила Оливию и армия ангелов не появилась.

– В ту ночь, когда Аэрон спас тебя, он встретил девушку. Ее окружали кричащие тени, что бы это ни значило. Ты ее знаешь?

Оливия кивнула, будучи не в силах сдержаться.

– Сиди спокойно, – прикрикнула на нее Кайя. – Теперь мне придется заново красить тебе глаз, а то сейчас он выглядит так, будто я тебя ударила. Лично мне так очень нравится, а вот Аэрон, боюсь, не оценит.

– Извини. – Оливия распрямила спину, стараясь больше не шевелиться. – Это Скарлет, дочь Реи. Да, на случай, если вы не в курсе, Рея – самопровозглашенная мать всей земли и озлобленная жена Кроноса.

– Что? – ахнула Камео. – Девушка-из-Тени – дочь богов? Да не каких-то, а Верховного бога титанов?

– Вообще-то она дочь только богини. Кронос ей не отец. Впервые разругавшись с ним, Рея предалась запретной любви с воином-мирмидонянином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.